

МОЁ ЧТЕНИЕ В ДЕТСТВЕ

ВОСПОМИНАНИЯ ДЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

М.ЯСНОВ С.МАХОТИН А.ГИНЕВСКИЙ

А.ГИВАРГИЗОВ Е.МУРАШОВА

М.СЕМЁНОВА А.ШЕВЧЕНКО

М.АРОМШТАМ К.АРБЕНИН Э.ВЕРКИН

Д.ВИЛЬКЕ Н.ВОЛКОВА А.АМРАЕВА

Н.ДАШЕВСКАЯ Е.СОКОВЕНИНА

А.АНИСИМОВА А.ЖВАЛЕВСКИЙ

И.ЗАРТАЙСКАЯ А.ИГНАТОВА

И.ЛИСОВА (ПАВЛОВА) А.ПЕТРОВА

А.РЕМЕЗ Е.РУДАШЕВСКИЙ

МОЁ ЧТЕНИЕ В ДЕТСТВЕ

Воспоминания детских писателей

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
Аделия Акимжановна Амраева	5
Анна Павловна Анисимова	7
Константин Юрьевич Арбенин	9
Марина Семеновна Аромштам	14
Эдуард Николаевич Веркин	17
Дарья Викторовна Вильке	19
Наталья Геннадьевна Волкова	21
Валерий Михайлович Воскобойников	23
Станислав Владимирович Востоков	25
Артур Александрович Гиваргизов	27
Александр Михайлович Гиневский	30
Нина Сергеевна Дашевская	40
Андрей Валентинович Жвалевский	42
Ирина Вадимовна Зартайская	45
Анна Сергеевна Игнатова	47
Наиль Измайлов (Шамиль Идиатуллин)	51
Николай Прохорович Крыщук	56
Ирина Александровна Лисова (Павлова)	62
Сергей Анатольевич Махотин	65
Екатерина Вадимовна Мурашова	67
Анастасия (Ася) Дмитриевна Петрова	69
Анна Александровна Ремез	71
Евгений Всеволодович Рудашевский	73
Мария Васильевна Семёнова	76
Елена Федоровна Соковенина	79
Алексей Анатольевич Шевченко	83
Михаил Давидович Яснов	87

ПРЕДИСЛОВИЕ

Воспоминания писателей о чтении в детстве — материал богатый в разных отношениях.

Первое, что он показывает, — все писатели, независимо от того, к какому поколению они принадлежат, любили читать в детстве. Наверное, это ожидаемая особенность писательской биографии. Кажется, что человек, любящий слово, любит читать и чужие слова.

Второе, что обращает на себя внимание, — это общая уверенность в том, что чтение — это ценность. Ценность в разных отношениях: книги, которые передаются в семье из поколения в поколение; книги, которые дарили и дарят на праздники; книги, которые связаны с чем-то памятным в детстве. У многих писателей, если не у всех, статус книги очень высок. И высок не столько потому, что книга — источник «духовно-нравственного развития», о котором так любят говорить все и вся, а потому, что книга — это артефакт, вещь.

Книга для большинства писателей — это неотъемлемая часть быта, повседневного порядка. И, пожалуй, именно это самое интересное в отчетах: без высокопарных слов о том, «как хорошо уметь читать», писатели в своих воспоминаниях конструируют единую среду обитания интеллигенции, для которой книга — обязательный элемент повседневности. И в конце концов оказывается неважно, что это за книга. Будь то «Книга о вкусной и здоровой пище», «Три мушкетера» или «Колыбельная для брата». Существенно, что для писателей книга — это часть быта, обыденности, повседневной рутины. По большому счету, воспоминания писателей исподволь опровергают известную формулу: «нужные книги ты в детстве читал». Главное, что читал тогда и читаешь сейчас, что интересно об этом вспоминать и говорить, потому что чтение — это стиль жизни.

Очевидно, что существуют другие стили жизни, не предполагающие рутинного чтения. На его месте может быть что-то другое, тоже вполне достойное, кстати. Но другое.

В воспоминаниях писатели обнаруживают свою коллективную общность, для которой чтение — это рутина. Книга — это то, что повсюду и всегда. Начиная с детства и не заканчивая... В этом писатели схожи со многими и многими читателями.

И здесь, повторю, существенно, что объединяет их не набор любимых текстов, а то, что чтение книг — это составная часть общего опы-

та. А в наше время, когда столь много усилий прикладывается к тому, чтобы разобщить людей, общий книжный опыт оказывается надежным способом связать людей разных стран, разных национальностей, разных профессий и разных возрастов. «Прятал книги под подушку? Читал с фонариком? Книга — лучший подарок?» Общие ответы на эти вопросы сплывают сильнее, чем даже схожесть корешков на домашней книжной полке.

По сути дела, перед нами коллективная манифестация группового единства, основанного на общих практиках чтения. Каждый писатель по-своему расставляет акценты, но библиофильское кредо всех объединяет: «Мы любим читать, и с книгой нам хорошо!» И в этом расслабленном и ненавязчивом образе жизни с книгой под мышкой кроется самый сильный стимул к подражанию, потому что одержимые книгой — это незаурядно. Всегда было незаурядно и остается таковым.

Светлана Маслинская

АДЕЛИЯ АКИМЖАНОВНА АМРАЕВА

*прозаик, живет в Алма-Ате
(Республика Казахстан)*

 Была (есть ли) у вас книга-реликвия, которая передавалась или хранилась из поколения в поколение в вашей семье?

Почти все книги в моей семье – это в какой-то степени реликвия. Потому что мои родители очень тяжело собирали домашнюю библиотеку: сдавали макулатуру, выискивали определенных авторов, обменивали, выкупали.

 Сожалели ли вы о потере какой-либо книги? Если да, то какой?

Буквально недавно обнаружила, что исчез роман Сабита Муканова «Светлая любовь», старое советское издание. Даже до слез. Возможно, кто-то взял почитать и не вернул...

 Дарили ли вы книги? Дарили ли Вам книги? Кто дарил?

Книги мне дарят друзья-писатели, за что им спасибо Я очень люблю дарить книги. И это такое счастье, когда есть кто-то, кому такой подарок будет в радость. Причем мне нравится процесс полностью: выяснить, какой автор или жанр нравится, есть ли такая книга, читал ли, – и все это как бы невзначай, чтобы человек не догадался. Как правило, такие «невзначай» приводят к долгим и невероятно ценным беседам о разных книгах.

 Какой книге, каким героям вы подражали? В каком возрасте, и каким книгам?

Все детство я обожала «Трех мушкетеров» Александра Дюма, мы с подругами даже делили мушкетеров и играли в них, несмотря на то что

девочки. Я верила, что вот Атоса понимаю от и до, внутренне старалась ему соответствовать. Хотя, кажется, по характеру мне до сих пор ближе д'Артаньян. В подростковом возрасте сходила с ума по миру Джона Рональда Руэла Толкина. Подражать уже не подражала, хотя, конечно, Эовин наложила на восприятие мира определенный отпечаток. Это из разряда книг, которые не просто книги, — они друзья по жизни.

 Были ли у вас практики тайного чтения? Какие?

Не было. Была практика семейного чтения, когда во всем поселке тушили свет, и мама зажигала свечку и читала.

 Опишите самую уютную обстановку для чтения? Самое уютное место?

Родной дом. Светильник у изголовья кровати. Самолет. Моцарт в наушниках. Облака за окном. Хотя, если книга захватила, обстановка не важна. Я буду читать, даже если придется вслепую переходить улицу.

Страница писателя: deti.spb.ru/writers_rus/a_id963

АННА ПАВЛОВНА АНИСИМОВА

*прозаик, живет в
Санкт-Петербурге*

✎ Дарили ли вы книги? Дарили ли Вам книги? Кто дарил?

Да, дарили! В моей школе в посёлке Кропоткин Иркутской области, где я родилась, была такая традиция – дарить книжки за хорошую учёбу. Так ко мне попали, например, книги Кира Булычёва про Алису и «Аня в стране чудес» в пересказе Владимира Набокова. И часто мне дарила книги мама. Например, на семилетие (я помню дарственную надпись) – про Тома Сойера и Гекльберри Финна, которая стала одной из самых любимых книжек в детстве. А как-то на Новый год я получила трилогию про Малыша и Карлсона, и с радостью читала все каникулы.

✎ Какой книге, каким героям вы подражали? В каком возрасте, и каким книгам?

В классе пятом-шестом на меня большое впечатление произвела книга Бориса Полевого «Повесть о настоящем человеке». История про лётчика Алексея Маресьева, который остался без ног, но не отчаялся, а вернулся к авиации, к полноценной жизни, меня настолько потрясла, что я невольно начала ставить его себе в пример. Ситуации были пустяковые, типа похода к зубному. Но я подбадривала себя: если уж Маресьев смог летать без ног и танцевать, то что мне какое-то лечение кариеса! И мне на самом деле становилось легко и не страшно.

Играли ли вы по книгам? С кем? По каким книгам? Когда?

В детстве я любила таскать в карманах всякую всячину, как Том Сойер. Дохлой крысы у меня, конечно, не было. Но пуговицы, пириты, стекляшки — это да. И часто я подкладывала в карман что-нибудь вкусненькое и играла, что это «кусочек лакрицы» из кармана Тома. Я не знала, что такое лакрица, но мне нравилось это слово, и я представляла, что это что-то страшно вкусное, что нужно носить с собой и время от времени лакомиться.

Ещё мне нравилась игра «в голубцы» из книжки «Маттиас и его друзья» Барбру Линдгрэн. Я тоже заворачивалась в одеяло и каталась по полу, как Маттиас и Пелле. Хотя надо признаться, что любимая игра с одеялом у меня была своя собственная — «в замуровывание».

И ещё одна из игр — из сборника «Мушкетёр и фея» Владислава Крапивина. Я про тот эпизод, где маленький Юрик рассказывает Джонни, что месяц — это кораблик, и с ним можно играть. Я тоже полюбила закрывать один глаз, а вторым ждать, когда выплывет кораблик-месяц. И до сих пор увидеть тонюсенький месяц на небе — это для меня маленький праздник.

Опишите самую уютную обстановку для чтения? Самое уютное место?

Мне никогда не была важна обстановка для чтения. Если хочется читать, то воткнёшься в книгу где угодно: на перемене, в автобусе, в очереди. И это большая удача, что мы живём сейчас в такое время, когда книгу необязательно носить с собой — она всегда может быть под рукой в телефоне! Значит, наша планета Земля — это одно большое и уютное место для чтения!

Страница писателя: deti.spb.ru/writers_rus/a_id866

КОНСТАНТИН ЮРЬЕВИЧ АРБЕНИН

поэт, прозаик, музыкант, живет в Санкт-Петербурге

Была (есть ли) у вас книга-реликвия, которая передавалась или хранилась из поколения в поколение в вашей семье?

Я родился в семье, в которой, как не странно, совсем не было книг. У моей бабушки хранились потрепанные «Князь Серебряный», второй том «Петербургских трущоб» и какой-то роман про войну – вот и вся наша библиотека, все реликвии. Потом, когда мне было лет шесть, мы с мамой сдали макулатуру и купили по макулатурным талонам «Трёх мушкетёров», – и мне так понравился процесс приобретения новой книги, так понравилось её листать, нюхать, рассматривать иллюстрации, заворачивать в кальку, чтобы не запачкалась обложка... Я тогда ещё не умел читать, но почувствовал, что книги – это то, с чем мне хочется иметь дело. А когда научился читать, ещё больше в этом утвердился. Я страшно завидовал друзьям, у которых дома были полки и шкафы с книгами. И я поставил себе целью собрать домашнюю библиотеку – чтобы жить среди книг. Так что всю мою нынешнюю библиотеку я собирал сам, по книжке, и продолжаю собирать – потому что в ней еще кое-каких книг не хватает для полного моего читательского счастья. А ещё я – тоже в детстве – полюбил переплетать книги, это стало моим очень серьёзным увлечением. Я переплёл все ветхие экземпляры, сделал твёрдые обложки для тех книжек, что были изначально в мягких, потом стал переплетать книжки друзей, иногда даже покушался на библиотечные... Сейчас занимаюсь этим крайне редко, но всё же бывает – с дочкой уже кое-что переплели из её настольных книг. А «Князь Серебряный» сохранился и благополучно стоит на полке. Я однажды купил более современное издание, хотел поменять, но, сравнив, передумал – всё-таки оставил того «Князя», бабушкиного, у которого на оборотной стороне переплёта видны мои детские карандашные каракули. И «Трёх

мушкетёров» храню тоже тех, макулатурных, – ведь с них-то всё и началось!

 Дарили ли вы книги? Дарили ли Вам книги? Кто дарил?

Для меня выражение «Книга – лучший подарок» была и остаётся неоспоримой истиной. С тех пор как я научился читать, главная интрига Дня рождения заключалась для меня в том, получу ли я в подарок книгу. И из всех подарков я только книги и помню, легко могу найти у себя на полках подарочные томики и вспомнить, когда, кто и по какому поводу их мне подарил. Я и сейчас радуюсь, если мне дарят книги, и сам с удовольствием их дарю. Недавно у меня был первый в жизни день рождения, на который мне не подарили ни одной книги – я считаю этот день рождения самым неудачным, даже каким-то бессмысленным.

Вспоминаю такой случай. Когда я был школьником, нашей семье вдруг пришла посылка от дальних-дальних родственников из другого города. Эти родственники были, кажется, связаны с книготорговлей, и поэтому в посылке оказались книги. А ведь это были восьмидесятые годы, время книжного дефицита, когда в ленинградских магазинах что-то стоящее купить было совершенно невозможно. Но дело было, конечно, не только в дефицитности, а в том, что книги в посылке лежали просто удивительные: «Остров сокровищ», «Приключения капитана Врунгеля», «Том Соьер», Гофман и большущий том русских народных сказок. По возрастному критерию этот набор как бы напрямую предназначался именно мне, и в моих глазах неожиданная посылка выглядела просто настоящим волшебством. Получили мы её вечером, стало быть, всю ночь я не мог уснуть, а потом ещё весь учебный день думал только о чудесном подарке – хотелось поскорей прийти домой и взяться за чтение. Эти книги до сих пор в моей библиотеке, и когда я их вижу, вспоминаю то сладостное нетерпение и ощущение сбывшейся мечты.

 Какой книге, каким героям вы подражали? В каком возрасте, и каким книгам?

Я не то чтобы подражал, но пытался. Когда лет в четырнадцать началось увлечение романами Дюма, конечно, хотелось быть похожим на его бравых героев. На роль д'Артаньяна я, правда, не замахивался, мне всегда был интереснее другой гасконец – ироничный и деятельный Шико (из романов «Графиня де Монсоро» и «Сорок пять»), вот на

него мне хотелось быть похожим. Меня вообще привлекали герои с чувством юмора, самоиронии, способные побеждать своих врагов не физической силой, а силой ума и духа — такие как Тиль Уленшпигель, Ходжа Насреддин. А вообще-то, мне кажется, каждый полюбившийся литературный герой оставлял какую-то чёрточку во мне, читателе. Мне нравилась неспешная рассудительность сименоновского Мегрэ, парадоксальное мышление отца Брауна из рассказов Честертона, умение солдата Швейка прикидываться дурачком. И, конечно, в отроческом возрасте хотелось пережить любовь, да не простую, а с самыми опасными приключениями в замках и погребях — чтобы как в «Чёрной стреле» Стивенсона. Одно время я пытался подражать Остапу Бендеру, но у меня, по-моему, не очень-то получалось... А в старших классах я полюбил ироническую фантастику Вадима Шефнера и Александра Житинского и понял, что их герои гораздо мне ближе, роднее, им даже подражать не надо — это почти мои альтер эго, в большинстве случаев. Здесь я уже не подражал, а как бы просто ощущал себя «негероическим героем» Шефнера или Житинского.

А один раз я стал — не совсем даже сознательно — подражать манере разговора героев прочитанной книги. Эта была повесть финского классика Майю Лассила «За спичками» в переводе Михаила Зощенко. Язык героев, их манера говорить неспешно, отвечать на вопросы не коротко, а повторяя сначала сам вопрос, оказалась настолько заразительна, что я и не заметил, как стал разговаривать точно так же. «Пойдёшь ли ты в лес?» — спрашивали меня. И я отвечал «по-фински»: «Ты спрашиваешь, пойду ли я в лес? Тот, в который мы ходили вчера? Пойду». Лаконичнее отвечать не мог. Хорошо, что дело было летом, в каникулы, а то бы в школе мне такое «размазывание» не сошло с рук (если бы я таким образом на уроке отвечал!), а так — только позабавил друзей и близких. А может, и не позабавил. Поскольку отвязаться от этого «акцента» я не мог довольно долго, то, скорее всего, многим я даже поднадоел. Но это всё Лассила виноват — так ярко и колоритно написал, что я не смог не попасть под его влияние.

Опишите самую уютную обстановку для чтения? Самое уютное место?

Мне кажется, чтение — это такое увлекательное занятие, которое может сделать уютным любую обстановку. Книги вообще создают уют, а если ты ещё одну из них открываешь и начинаешь читать, то это и зна-

чит, что ты уже находишься в самом уютном месте... Мы недавно с моей дочкой Дашей говорили о том, что книги можно сортировать по сезонам: зимние, летние, осенние, весенние. Пришли к выводу, что для нас зимние книги — это сказки, летние — приключенческие романы, романы путешествий, осень — пора классики и стихов, а весной почему-то тянет... на детективы. Это наши с Дашей личные субъективные ощущения, но я думаю, что каждый читатель, оттолкнувшись от этой идеи, может поиграть в нашу игру — сам попробовать разделить свои литературные пристрастия по временам года.

Поскольку самым моим любимым чтением были и остаются сказки, то я отдельно скажу о них несколько слов. С самого детства я люблю сказки, и до сих пор читаю и перечитываю. Началось всё с народных сказок — русских, молдавских, марийских, чешских, африканских... Каких я только сказок не читал! Наша школьная библиотекарь, едва увидев меня, понятливо кивала: «А, тебе, Арбенин, — сказки, как всегда!» Мои одноклассники уже перешли на книги о войне, о первой любви, на приключения и фантастику, а я всё не мог оторваться от сказок. После народных пошли сказки авторские, и они мне понравились ещё больше. Пушкин, Шарль Перро, братья Гримм, ранний Андерсен сменились Гофманом, Гауфом, Погорельским, Бажовым. Особенно я полюбил большие сказки: цикл Александра Волкова о Волшебной стране («Волшебник Изумрудного города» и продолжения), трилогию Николая Носова о приключениях Незнайки и «Три толстяка» Юрия Олеши. Чуть позже я был очарован двумя сказочными повестями Эдуарда Успенского — «Гарантийные человечки» и «Вниз по волшебной реке» (до сих пор считаю, что это его лучшие вещи). Перевернула моё читательское мировоззрение «Алиса в Стране чудес» Льюиса Кэрролла — она была совершенно не похожа на все остальные сказки, в ней было интересно следить не столько за приключениями героини, сколько за приключениями мысли автора, за путешествием его парадоксальных идей и нестандартного воображения. Позже я нашёл и в современной отечественной литературе произведение, достойное Кэрролла, — «Книжка про Гришку» Радия Погодина. Из детских читательских пристрастий запомнились «Маленькая Баба-яга» Отфрида Пройслера, «Чубо из села Туртурика» Спиридона Вангели, «Муфта, Полботинка и Моховая борода» Эно Рауда, сказки Дональда Биссета...

Так, шаг за шагом, я путешествовал по сказкам, и даже уже читая совсем другую, несказочную, литературу, я постоянно к ним возвра-

щался, открывая всё новые и новые имена и названия. Уже во взрослом возрасте я заново открыл для себя Андерсена, прочитав его «взрослый» двухтомник; оценил сказки Оскара Уайльда; не сразу, но распробовал Толкиена... Сейчас меня привлекают сказки, в которых помимо приключений, чудес и ярких характеров, есть нотки лирические, даже философские. Для меня важна интонация сказки, её внутренняя музыка, которая, когда книга прочитана, остаётся звучать в душе читателя и преображает хотя бы немного его внутренний мир, да и на мир вокруг позволяет взглянуть уже через новую «оптику». Такие книги становятся частью меня, их хочется перечитывать, советоваться с ними. Эти книги как бы мои друзья: «Лоскутик и облако» Софьи Прокофьевой, «Верлиока» Вениамина Каверина, «Момо» и «Бесконечная книга» Михаэля Энде, «Братья Львиное Сердце» и «Ронья — дочь разбойника» Астрид Линдгрэн, «До свиданья, овраг» и «Картонное сердце» Константина Сергиенко, «Тим Талер, или Проданный смех» Джеймса Крюса, сказки Константина Паустовского, Бориса Заходера, Карела Чапека, Йозефа Лады, Жана Супервелья; из недавно вышедших — «Где гора говорит с луной» Грейс Лин.

Сказки — очень правдивый жанр, как это ни странно звучит. Я каждый день вижу в окружающий нас действительности героев и сюжеты из всем известных сказок. Оглянитесь вокруг, приглядитесь повнимательнее, и вы увидите то же самое. Сегодня, как никогда, актуальны главные сказки нашего детства — «Буратино», «Чиполлино», «Джельсомино в Стране лгунов», «Урфин Джюс и его деревянные солдаты», «Крошка Цахес»... А самый актуальный писатель, оказавшийся сегодня прозорливее всех классиков и современнее всех современников — тоже сказочник, Евгений Шварц — по его «Дракону» просто можно изучать современное общество, его нравы и характеры.

Я верю... да нет, я точно знаю, что сказки помогают людям жить, они открывают глаза, растапливают замёрзшие души и действительно напоминают о самых главных вещах (о которых мы, вырастая, частенько забываем) — о добре и справедливости, любви и правде. Нет ничего предосудительного, если взрослый человек читает сказки, скорее наоборот: взрослым просто необходимо читать сказки — чтобы оставаться человеком, сохранять верность идеалам детства.

Страница писателя: deti.spb.ru/writers_rus/a_id604

МАРИНА СЕМЕНОВНА АРОМШТАМ

писатель, живет в Москве

 Была (есть ли) у вас книга-реликвия, которая передавалась или хранилась из поколения в поколение в вашей семье?

Книги-реликвии были в семье моего папы. Я думаю, это были книги религиозного содержания. Очень редкие и ценные. Но бабушка рассталась с ними во время эвакуации – продала или обменяла на что-то из еды, чтобы прокормить двух маленьких детей. Так что до меня эти книги не дошли. И вообще я родилась в семье, где не было «наследной профессорской библиотеки».

Мои родители (оба) были детьми врагов народа, да еще и пережили эвакуацию. А это значит, что с «домом» у них долгое время существовали проблемы. Библиотека – показатель «стабильной» жизни, «оседлости». И домашнюю библиотеку стал собирать уже мой папа, в юности. А он все книги считает реликвиями: их часто приходилось покупать, ущемляя себя в другом. Ну и он дорожил подписанными книгами. Папа дружил с В. Крапивиним, был знаком с В. Берестовым, В. Медведевым. Они, конечно же, ему книги подписывали. Папа этим гордился. И эти книги, безусловно, реликвии.

 Сожалели ли вы о потере какой-либо книги? Если да, то какой?

Когда я работала в школе, то лучшие свои детские книги время от времени приносила в класс. И там эти книги довольно часто терялись. Я всегда о них жалела. Больше всего переживала из-за «Короля Матиуша Первого». Это было «оттепельное» издание, большого формата, с предисловием и фотографией Корчака-ребенка, которых почему-то в последующих изданиях не было. Книгу подарил мне мой муж, когда он еще не был моим мужем: мы только-только познакомились и влюбились друг в друга.

Но потом книга ко мне «вернулась». Мои сыновья, когда выросли, разыскали ее в букинистическом интернет-магазине и подарили мне к какому-то важному празднику. А потом, не поверите, я нашла ее на помойке. Я возвращалась домой и вижу: кто-то вынес к мусорному контейнеру домашнюю библиотеку. Шел дождик, книги хотя и лежали «под крышей», но промокли. Особенно – нижние, они просто в луже оказались. Среди подмокших оказалось и редкое издание «Матиуша». Я принесла книгу домой и высушила под прессом. Блок не пострадал: его защитил толстый переплет. А сам переплет «погиб». Но я заказала книге новые переплет. И теперь у меня целых два «Матиуша» (то есть у меня их четыре, разные издания, но это издание в двух экземплярах).

 Дарили ли вы книги? Дарили ли Вам книги? Кто дарил?

Да, конечно, я дарила книги. Мне дарили книги. И до сих пор я дарю книги, и мне дарят книги. Но в детстве и юности это были действительно подарки: книги дарили по случаю дня рождения или какого-то другого праздника. На свадьбу нам с мужем, например, подарили «Иосифа и его братьев» Томаса Манна. Эта один из наших любимых романов. Мы даже сына своего назвали Иосифом. Назвали из-за своей любви к Томасу Манну, а потом сообразили, что у нас обоих – и у меня, и у мужа – были дедушки, которые носили имя Иосиф. И оба дедушки умерли до нашего появления на свет.

 Какой книге, каким героям вы подражали? В каком возрасте, и каким книгам?

Это очень болезненный вопрос. Я думаю – да, подражала. И каждый раз, когда я подражала книжным героям, когда хотела быть «как книжный герой», это плохо заканчивалось. Всегда получалось глупо. Получалось, что я следую каким-то романтическим стереотипам, навязанным извне, да еще и обремененным историческим контекстом. И я долго-долго училась быть не как кто-то, пусть даже этот кто-то – из книги, а исключительно самой собой.

 Были ли у вас практики тайного чтения? Какие?

В старших классах я стала читать запрещенные книги. Я училась в литературной школе. Среди моих одноклассников были очень интересные люди из интересных, читающих семей. И мне «по дружбе» могли

принести на выходные «Мастера и Маргариту», например. Или «Один день Ивана Денисовича». Как правило, это были журнальные публикации в самодельных переплетах. Их многократное во что-нибудь заворачивали. Читать можно было только дома – не в транспорте. И очень быстро надо было читать.

А потом, уже в институте, я ходила в «кружок», где читали уже не «Один день...», а «Архипелаг Гулаг», – как правило, в фотокопиях. Это был один из способов распространения нелегальной литературы в 80-х годах: книгу фотографировали, каждую страничку отдельно. А потом печатали фотографии. Дело было очень трудоемким. Я подробно описала это в своем романе «Жена декабриста».

Опишите самую уютную обстановку для чтения? Самое уютное место?

Уютная обстановка? Я люблю читать в транспорте (то есть я не могу ехать не читая). Дома тоже люблю читать. Если можно сидеть или лежать и рядом не разговаривают, если не работает какой-нибудь враг-телевизор (дома у нас телевизора нет), то и хорошо. Плохо, когда холодно. И когда чересчур жарко – тоже плохо. Но все-таки лучше, чем когда холодно. Очень важно, чтобы свет был хороший. Бумажные книги мне нравится читать больше, чем электронные. Но и бумажная книга должна быть «уютно сделана».

Страница писателя: deti.spb.ru/writers_rus/a_id600

ЭДУАРД НИКОЛАЕВИЧ ВЕРКИН

прозаик, живет в Иванове

 Была (есть ли) у вас книга-реликвия, которая передавалась или хранилась из поколения в поколение в вашей семье?

К сожалению, нет. Бабушки-дедушки жили в деревне и небогато, было не до книг, да и не до реликвий. Библиотеку начала собирать моя мама, в основном собрания сочинений русских классиков, они до сих пор составляют скелет уже моей библиотеки. Но книги — реликвии, увы, пока нет.

 Сожалели ли вы о потере какой-либо книги? Если да, то какой?

Как водится, у меня зачитали немало книг. Да и я сам зачитал парочку. Сожалений особых нет, лучше, когда книжки путешествуют по читателям, а не стоят на полке (за исключением собраний, дробить их не хочется). Есть исключение — у меня был основательно читанный «Заводной апельсин» в переводе В.Бошняка. Помню, первую главу прочитал еще в школе, кажется, в «Литературной газете» печатали, очень не понравилось. Непростая книжка, она уходила от меня, возвращалась, приобрела заслуженный вид и была зачитана буквально на ровном месте. Восполнить сложно, почему-то переиздания именно в этом переводе не встречались, а в другом это малочитабельно.

 Дарили ли вы книги? Дарили ли Вам книги? Кто дарил?

Я был запойным читателем, для меня книга действительно являлась лучшим подарком. Мне дарили много. Друзья, родители, знакомые ро-

дителей, которые знали, что «мальчик читает». Книгу ведь дарить приятно, даже если сам не читатель. Но как-то еще с детства я понимал, что у других людей подарок-книга может вызвать раздражение, все-таки лучше дарить то, что человеку приятно получить. Сейчас дарю свои, но только тем, кому действительно интересно.

 Изменяли ли вы сюжет, героев, включали ли себя в повествование?

Изменял сюжет, героев, название, концепцию, идею, иногда полностью всю книжку изменял. Или сами они изменялись... Себя не включаю, у меня кроме себя есть несколько любимых героев.

 Какой книге, каким героям вы подражали? В каком возрасте, и каким книгам?

Хотел подражать многим, от Шерлока Холмса до Гека Финна, героям волевым, сильным, смелым. Но что-то не особо подражалось.

 Играли ли вы по книгам? С кем? По каким книгам? Когда?

Мое детство пришлось на циничные восьмидесятые, не помню, что вокруг меня подростки вообще играли по книгам, впрочем, возможно, это было особенностью города Воркуты. По фильмам играли. Пожалуй, единственная книга, по которой я играл с другом, это «Лунная Радуга» Сергея Павлова. В 1987 году летом на каникулах. Разумеется, сценарием был эпизод с «полигоном».

 Были ли у вас практики тайного чтения? Какие?

«Под одеялом» не читал, особо за чтение меня не ругали. Хотя в старших классах чтение уже оказывало не совсем положительное влияние на успеваемость. Но читать я мог вволю. Ограничением было отсутствие книг в требуемом количестве, приходилось много перечитывать.

 Опишите самую уютную обстановку для чтения? Самое уютное место?

Вечер, дождь, чердак, раскладушка.

Страница писателя: deti.spb.ru/writers_rus/a_id642

ДАРЬЯ ВИКТОРОВНА ВИЛЬКЕ

прозаик, живет в Вене (Австрия)

Была ли (есть ли) у вас книга-реликвия, которая передавалась или хранилась из поколения в поколение в вашей семье?

Наверное, это не одна какая-то конкретная книга, а несколько: например, те, что остались от прадедушки-издателя, дореволюционные журналы, в печати которых он принимал участие. Он сначала работал в типографии Сытина, а потом открыл свое маленькое издательство. Вот старинные журналы, в том числе журналы мод, передавались из поколения в поколение, их рассматривали и мои бабушки, и мама с тетей, и потом мы с сестрами. А еще были «Латышские народные сказки», пятидесятых годов, с шикарными совершенно иллюстрациями Шенгофа, замечательно изданные, и еще старая-старая книга, «Как Джек ходил счастья искать» с потрясающими иллюстрациями Конашевича, совсем потрепанная, где было и про Тростниковую Шапку, и про Мистера Майку, и «перевернутая» сказка про Трех поросят, где в конце они убивают волка. Да, и еще, конечно, «Книга о вкусной и здоровой пище», пусть это и не литература, но семейная реликвия — безусловно.

Сожалели ли вы о потере какой-либо книги? Если да, то какой?

Да, когда-то у меня было старое издание «Фрегата Капитана Единицы» Левшина, зачитанное просто до дыр и ужасно любимое. Чтобы понять глубину моей любви: я всегда была совершенным гуманистаем и терпеть не могла все, что хоть как-то относилось к математике. Но эта книга меня завоевала сходу — это была любовь с первого взгляда: я влюбилась и в сам текст, и в картинки, и в желто-кремовую обложку. Могла по сто раз перечитывать, как они там делят шоколадный торт, или про

Ахиллеса и черепаху, или про Нептуна и жемчужины. В общем, я ее обо- жала.

А потом я дала ее почитать кому-то в школе и больше ее не видела. Но вспоминаю о ней до сих пор.

 Дарили ли вы книги? Дарили ли Вам книги? Кто дарил?

Родители и бабушка всегда дарили мне книги – и мы, когда ходили на дни рождения, дарили книги друзьям. Да и до сих пор мне дарят кни- ги. Подаренного, наверное, было так много, что трудно выделить что-то одно. Пожалуй, помню только самое-самое радостное или самое пуга- ющее, то, что осталось ярким воспоминанием. Помню несколько томи- ков Рэя Бредбери, черных, с золотыми буквами, наверное, потому что с ним сразу случилась любовь на всю жизнь с «Вином из одуванчиков», «Костюмом цвета сливочного мороженого» и всем-всем остальным. А из пугающего – тоненькие книжечки «Сон Макара» и «Гуттаперчевый мальчик», этот ужас моего детства, книги-заброшенные колодцы, пуга- ющие и манящие.

 Были ли у вас практики тайного чтения? Какие?

Практики тайного чтения: наверное, все чтение в детстве, кроме школьной программы, – тайное. Я рано стала читать сама и не хотела, чтобы мне читали вслух, чтение вслух для меня – это чудесное воспо- минание самого раннего детства, когда я уже засыпаю, а мама, очень красиво, читает мне вслух «Руслана и Людмилу» или еще чего-нибудь из Пушкина. Потом мне уже хотелось создать свои отношения с книгой, где никого, кроме нас двоих, не будет. И так как вся домашняя библио- тека была в моем распоряжении и никто никогда не спрашивал «а что ты читаешь?» и не пытал, чтобы я отчитывалась о прочитанном, что для меня было бы мукой, то можно было остаться с книгой наедине и вникать даже в то, что для детей было не предназначено. Вроде «Дека- мерона» Боккаччо, Овидия или Исландских саг. И это было счастьем – знать, что все это твое, что можно просто взять с полки понравивший- ся том и читать его до тех пор, пока не надоест (а если не понравится, сразу же вернуть на место). Мне никогда не хотелось, чтобы было ясно, что именно я читаю, – и поэтому пустое «гнездо» от выбранной книги я старалась закрыть, сдвигая соседние тома и запоминая: это было между Мериме и Итальянской комедией дель арте.

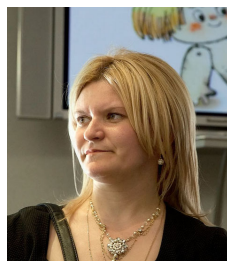

Опишите самую уютную обстановку для чтения? Самое уютное место?

Самое уютное место для чтения — оконная ниша, широкая, заваленная разноцветными подушками. Или кресло-качалка в старом саду — чтоб вокруг старые, узловатые яблони и кусты смородины с широкими листьями, остро пахнущими на солнце.

Страница писателя: deti.spb.ru/writers_rus/a_id645

НАТАЛЬЯ ГЕННАДЬЕВНА ВОЛКОВА

писатель, поэт, живет в Москве

Была (есть ли) у вас книга-реликвия, которая передавалась или хранилась из поколения в поколение в вашей семье?

К сожалению, с бабушкиного и дедушкиного детства никаких книг в нашей семье не осталось, потому что вмешалась война, они уехали из родных городов. А вот родители уже сохраняли все книги, и мне в детстве досталась целая библиотека. Когда мне было лет пять, я очень любила книгу Энн Хогарт «Мафин и его веселые друзья». Мама в детстве, судя по всему, тоже читала ее много раз, книга была потрепанная, черно-белые рисунки в ней были раскрашены карандашами, задания пройдены. Но я ее обожала, именно потому что мне казалось, что я таким образом через книгу общаюсь с маленькой мамой. То же самое с папой: от него мне перешла по наследству книга «Щелкунчик». Эти же издания я читала своим детям.

 Сожалели ли вы о потере какой-либо книги? Если да, то какой?

Да, до сих пор жалею, что потеряла один из томов «Хроник Нарнии» Льюиса на английском. Это было прекрасное иллюстрированное издание в подарочной коробочке. Дала почитать первый том своей ученице, и с тех пор книжку больше не видела. Очень жаль.

 Дарили ли вы книги? Дарили ли Вам книги? Кто дарил?

Очень люблю дарить книги и получать книги в подарок тоже люблю. Поэтому в моей семье все дарят друг другу книги. Самый царский подарок сделал мне муж на какой-то день рождения, это было знаменитое дореволюционное издание Шекспира из серии «Великие писатели».

 Изменяли ли вы сюжет, героев, включали ли себя в повествование? Какой книге, каким героям вы подражали? В каком возрасте, и каким книгам? Играли ли вы по книгам? С кем? По каким книгам? Когда?

И играли, и подражали, и писали продолжения, и романы по мотивам. Все было. В начальной школе мы с подругой очень любили «Трех мушкетеров» и взялись писать роман по одной главе по очереди, действие которого, разумеется, тоже происходило во Франции, там тоже действовал Мазорини и Людовик.

А во дворе мы играли в Робин Гуда. Я была, кажется, Маленьким Джоном.

Вообще, я часто проигрывала книги и в одиночестве, и придумывала альтернативное развитие сюжета, так понимаю, теперь такие игры называются фанфиками, но тогда я об этом не догадывалась.

 Опишите самую уютную обстановку для чтения? Самое уютное место?

Когда читаешь, перестаешь замечать, что творится вокруг, поэтому обстановка может быть любой: самолет, берег моря, диван и плед, скамейка с саду. Главное, чтобы никто не дергал и не отвлекал.

Страница писателя: deti.spb.ru/writers_rus/a_id646

ВАЛЕРИЙ МИХАЙЛОВИЧ ВОСКОБОЙНИКОВ

писатель, живет в Петербурге и не только

Была (есть ли) у вас книга-реликвия, которая передавалась или хранилась из поколения в поколение в вашей семье?

Была семейная реликвия: Прижизненное издание «Евгения Онегина» с автографом Пушкина. Эту книгу отец приобрел на Невском на книжном развале в начале 1930-х, будучи студентом, только что приехавшим в Ленинград учиться из Забайкальской деревни. Уезжая в начале апреля 1942 года из блокады к раненому отцу на Урал, моя мама, транспортировала трёхлетнего меня, разучившегося ходить, и умирающую бабушку (умерла через два дня в поезде), но понимая ценность этой книги, прихватила и её.

В последующие годы мне дозволялось прикасаться к ней, только помыв с мылом руки и насухо их вытерев. Книгу унесли с собой сотрудники КГБ в 1950 году во время обыска при аресте отца, да так и не вернули после его реабилитации.

Сожалели ли вы о потере какой-либо книги? Если да, то какой?

Терял дважды. Точнее, книги дважды у меня изымали. Первый раз — в 1958 году в сержантской полковой школе сборник стихов Велимира Хлебникова. Забрал старшина, заявив, что в тумбочке можно хранить только полезные для службы книги. Второй раз - кто-то унес у меня из дома. Это был год 1965. Издание Пастернака в Большой серии библиотеки поэта. Оба раза очень сожалел, хотя и сегодня помню наизусть кое-какие стихи, напечатанные в этих книгах.

 Дарили ли вы книги? Дарили ли Вам книги? Кто дарил?

Книги мне дарили в детстве и родители и друзья-одноклассники. Когда исполнилось 10 лет, мой школьный друг подарил книгу 1905 года издания: «Диковинки земли». Эту познавательную книгу и перечитывал много раз. Родители дарили Маршака, Гайдара. С 12-ти лет я стал брать книги в библиотеках. И куда бы ни приезжал, первым делом отыскивал библиотеку. Благодаря библиотекам в подростковом возрасте узнал и прочитал все, что было издано на русском языке любимых тогда мною писателей: Джека Лондона и Диккенса.

 Какой книге, каким героям вы подражали? В каком возрасте, и каким книгам?

«Мартин Иден» в 16-17 лет произвел на меня гигантское впечатление. И некоторое время был для меня своеобразной путеводной звездой.

 Были ли у вас практики тайного чтения? Какие?

Как и у многих — были. В детстве — под одеялом. В сержантской школе, во время караульной службы, когда ставили охранять какой-нибудь склад, уносил на пост под ремнем книгу.

 Опишите самую уютную обстановку для чтения? Самое уютное место?

Когда мне было 11 лет, мы жили на даче под Вырицей. И там в доме был чердак. И лежали несколько книг без обложек. Одна — «Республика Шкид», вторая «Княжна Джаваха». Там, на старом драном матрасе у небольшого окошка было самое уютное место. Обе книги я прочитал по два раза. Имен авторов, т. к. не было обложек, я тогда не знал. И узнал их только, во взрослом качестве. Эти такие разные книги врезались мне в память навсегда. По всей вероятности, хозяйева дачи специально оторвали обложки, т. к. это были книги, властями не рекомендованные в те годы для чтения.

Страница писателя: http://www.deti.spb.ru/writers_rus/a_id60

СТАНИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ ВОСТОКОВ

писатель, живет в Москве

Чарушин

В младшей группе детского сада воспитательница читала нам Чарушина. У него есть рассказ про мальчика Женю, который не умел говорить букву «р».

Воспитательница показала на меня и сказала:

- Прямо как Стасик!

Я тоже не умел говорить букву «р».

На воспитательницу я обиделся. Но Чарушина не разлюбил.

В том рассказе Женю научила говорить «р» ворона.

Янссон

У моего одноклассника мама работала стоматологом. Стоматологи хорошо зарабатывают. Поэтому у одноклассника было много хороших детских книг. Я часто брал их читать. Особенно мне понравились «Шляпа волшебника» Туве Янссон и «Незнайка на Луне» Носова.

Однажды я дал однокласснику почитать «Чао – победитель волшебников» Петрония Амадуни. А он книгу потерял. Тогда его мама предложил мне взамен любую из их книг. Это был очень трудный выбор! Я разрывался между Носовым и Янссон. Но всё-таки выбрал «Шляпу волшебника». Это до сих пор моя любимая книга.

Булычёв

В моём детстве научная фантастика была очень популярна. Из детских писателей-фантастов самым известным был Кир Булычёв, который написал про Алису Селезнёву. По популярности с ней мог бы соперничать только Гарри Поттер.

Начитавшись фантастики, я решил устроить Школу космонавтов. Я был директором школы, а два моих соседа по двору — учениками. Я знал, что будущих космонавтов в Звёздном городке подвергают большим нагрузкам. Поэтому большая часть учёбы уходила на физическую подготовку. Она в основном заключалась в том, что мои ученики бежали вниз и вверх по лестнице подъезда. Но, видимо, нагрузки оказались слишком велики, и через несколько дней в школе остался один директор. А тренировать самого себя было уже не так интересно.

 Даррелл

Как-то мама дала мне почитать книгу писателя-натуралиста Джеральда Даррелла. Сначала мне не очень понравилось, но потом попробовал. За несколько лет я прочитал все его книги, которые были переведены на русский. Даже кое-что я перевёл сам, и мой перевод напечатали в газете. Больше того, потом я поработал в одном зоопарке, в другом, поучился в Англии у Даррелла и съездил три раза в Камбоджу. И ещё написал три книги про животных.

Если бы моя воспитательница это предвидела, она бы небось надо мной не смеялась!

А букву «р» я, кстати, сейчас очень даже хорошо говорю.

Страница писателя: deti.spb.ru/writers_rus/a_id490

АРТУР АЛЕКСАНДРОВИЧ ГИВАРГИЗОВ

писатель, поэт, живет в Москве

Лучше всего начать с подарков. Если меня попросят вспомнить два самых главных подарка, то это, конечно, железная ключка и бумажная книжка. Про ключку подробно рассказывать не буду, очень хочется, но в другой раз. Благодаря железной ключке я не стал хоккеистом. Благодаря «Оле-Лукойе» (с картинками Пивоварова), «Лентяям», «Бременским музыкантам», «Ленивому Гансу» (с картинками Монины) я стал заядлым читателем. Дальше всем известный лонг-лист: Незнайка, Витя Малеев, Дениска, Арам, Карлсон, Мюнхаузен, Алиса, Робинзон, Гулливер, Кожаный чулок, человек Амфибия и т. д.

Барон Мюнхаузен – родственник и учитель. Когда мне было семь лет, родители делали мультфильм про Барона Мюнхаузена, несколько серий. То есть – несколько лет только и говорили о Мюнхаузене: «Ты поздравила Мюнхаузена с Новым годом?» – «Да, звонила».

Я был находчивый как Мюнхаузен. Я был находчивее. Так здорово научился вр... фантазировать, что сам себе верил. Притворишься больным, чтобы в магазин не идти, и – температура, насморк, горло – ангина.

А когда ангина, про приключения читать не хочется. Ангина – для грустных историй со счастливым концом. Про девочку со спичками. Или про любовь – про девочку на шаре.

«Девочка на шаре» – один из лучших рассказов о любви. Так захотелось влюбиться! Влюбился. В ту, которую Алфеевский нарисовал. Я наложил кальку – срисовал. Носил рисунок в левом внутреннем кармане серой школьной курточки. Сочинил стихотворение. Прочитать? Как хотите. А потом ещё влюбился в Суок, которую Владимирский нарисовал.

Мы запоминали книжки по героям: «про собаку Баскервилей». Потому что автор всех любимых детских книжек один – друг парадоксов и детей. Правда, иногда я встречался и с обыкновенными «живыми» авторами. Например, я любил «Вредные советы» Григория Остера ещё и потому, что однажды Григорий Бенционович пришёл к нам в гости, домой. Не помню, наверное, меня поставили на табуретку, и я под неуверенные (по идее – подбадривающие) аплодисменты публики уверенно продекламировал: «Кто не прыгал из окошка вместе с маминым зонтом, тот лихим парашютистом не считается пока...»

Удобный стиль воспоминаний – не помню, не знаю... Не знаю, что больше повлияло на мою... на моё поведе... на мои увлечения – книги или «живые» взрослые? Взрослый, с которым легко и весело – редкость в нашем лёгком и весёлом детстве.

В моей жизни всё самое главное начиналось встречей. Встретился с Александром Фраучи – стал гитаристом. От Шандора Каллоша – любовь к лютне. Однажды – продолжаю хвастаться – к нам в гости пришёл Визбор. Ну да, и я поехал покорять вершины (для начала в Коломенское). И стал сочинять песни. Некоторые помню. Спеть? Как хотите.

Однажды к нам в гости пришёл Ажажа (он жил в шестом подъезде), рассказал про летающие тарелки, показал фотографии инопланетян... Фантастика! Захотелось продолжить: Булычёв, Уэллс, Беляев...

Война миров. Земля в опасности. Мы с Димой Трофимовым сделали телескоп (труба из ватмана, две линзы – 1 дптр и 100 дптр). Инопланетяне раз в неделю зависали над крышей Диминого дома, слепили проектором. Мы сообщали куда следует – Ажаже. Землю спасли.

Однажды ко мне в гости пришёл Зарик из четвёртого подъезда...

В десять лет мы с Зариком убежали в Америку, к индейцам. У меня к голове красивой «индейской» тесёмкой было прижато голубиное перо. Добежали до Арбата, съели по мороженому, остыли. Виноват, понятно, Купер. И в том, что убежали, и в том, что остыли. Наверное, Фенимор Купер не очень сильный писатель. А вот Джек Лондон – сильный.

Из-за Джека Лондона я две недели провалялся с температурой 39. Потому что после рассказа «Любовь к жизни» (или после «Северных рассказов» – точно не помню) отправился в Коломенское в овраг – выживать. Зима. Снегу в овраге – по пояс. Я выбивался из сил, замерзал, терял последнюю надежду... Снег забивался в ботинки, в варежки, сыпался за шиворот... Я два раза терял шапку... Выжил.

После истории с оврагом родители стали покупать книжки не увлекательные, а занимательные (Я.И.Перельмана) – «Занимательную математику», «Занимательную физику»... Мне понравилась «Занимательная химия». Это когда из медного купороса можно добыть серную кислоту. Чтобы серной кислотой прожечь дырку в железе. Интересно же, получится или нет? Так вот: сначала надо развести на балконе костёр, потом пробирку с медным купоросом нагревать на медленном огне, непрерывно помешивая... Серной дырка не получилось. Надо азотной с соляной. В следующий раз.

После истории с серной кислотой родители подписались на поэтическую серию. В тринадцать я вышел на конкурс с лирическим стихотворением Маяковского. Наверное, выбрал это стихотворение из-за строк «будет с кафедры лобастый идиот что-то молоть». Комиссия из преподавателей была шокирована. Но попыталась скрыть своё состояние. Улыбнулась и присудила мне второе место. (Если бы обманывал, написал бы, что первое.)

Маяковский – сильный поэт. За силу он и стал любимым поэтом в тринадцать лет. Я так и делил – сильный, слабый. Меня наш тренер по вольной борьбе научил.

Записки о Шерлоке Холмсе прочитал за трое суток, не отрываясь. Потом очнулся и пошёл в школу. На химии мы поспорили с доктором Ватсоном-Трофимовым. Он утверждал, что учительница химии ела на завтрак яичницу с колбасой, я – геркулесовую кашу на воде, без соли. После урока мы подошли к учительнице и спросили. Она сказала, что кофе с круассаном. Я понимаю, почему Анжела Леонидовна нас обманула – стыдный детсадовский завтрак. Но она ела геркулес. 1. свежее геркулесовое пятно на юбке, 2. здоровый цвет лица. Элементарно.

А самая уютная обстановка для чтения, самое уютное место – их много. Например, верхняя полка поезда «Москва – Адлер». Море.

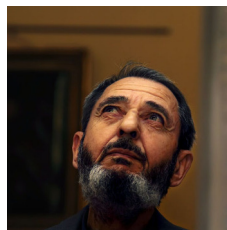
Хемингуэй – родственник и учитель. Родственник, прадедушка – потому что фотография бородатого Хемингуэя висела у нас в комнате рядом с фотографиями бабушки и прабабушки. Учитель. В 13 лет я так уверенно подошёл к стойке бара, что у бармена даже и не промелькнуло: «Статья 16, пункт 2». Коктейль «Фестиваль» мне не понравился. Но уверенно подходить к стойке, сидеть на высокой табуретке и болтать ногой – понравилось. Курить, кстати, мне тоже не понравилось. Но доставать из кармана измятую пачку Явы, доставать непослушными, исколоты-

ми рыболовным крючком пальцами кривую сигарету!.. Может, это не только Хемингуэй, может, ещё и Фицджеральд? Надо перечитать.

Вот всё захотелось перечитать! Даже Фенимора Купера.

Страница писателя: deti.spb.ru/writers_rus/a_id321

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ГИНЕВСКИЙ

*прозаик, поэт, живет в
Санкт-Петербурге*

Была (есть ли) у вас книга-реликвия, которая передавалась или хранилась из поколения в поколение в вашей семье?

Мои первые воспоминания детства связаны буквально с началом войны. С началом страшной изнурительной жизни. Не до чтений было...

К тому же отец, человек сильный, крутого нрава, считал чтение беллетристики пустым занятием.

Работа отца была связана исключительно с командировками. Наш образ жизни был кочевой — не до домашних библиотек. И потому книг-реликвий у нас не было. Но вот что вспоминается.

В 1946 году мы из Нарвы переехали в Усть-Нарву. Маленький, некогда курортный городишко. Отец работал в Силламяе. Он уезжал туда вместе с другими в кузове грузовика на рассвете. Возвращался, когда я уже спал. Я ходил в школу. Учился плохо. Мне и моим школьным приятелям было не до учёбы. Время послевоенное, в лесах полно оружия, и нам мальчишкам было чем заняться. Мы пропадали в окопах, блиндажах, постреливая из всех видов стрелялок в белый свет, как в копеечку. евой» жизни, я испытал однажды настоящее потрясение совсем иного рода.

Частенько встречали мы нашего почтальона с тяжёлой сумкой на плече. Это была женщина средних лет. И, как мне теперь вспоминается, не занудного нрава. Она разносила письма, газеты, журналы. И всегда у нее было несколько книг на продажу. Завидев её, мы спешили к ней, обступали её. Она охотно заговаривала, называя нас шутливо «беспризорниками», предлагала полистать журнал, книжку. Она говорила, что ей хочется наставить нас «на правильный путь».

И вот как-то развернул предложенную книжку один из моих друзей и тут же швырнул ее на землю:

- Тю-у! – сплюнул. – Да это ж для девчонок!.. Книжка была с картинками и со стихами. А в те времена читать стихи считалось занятием девочек.

- А ну, сейчас же подними!.. - грозно сказала почтальонша.

Книгу поднял другой мой приятель. Раскрыл её и тоже слепил кислую физиономию. Ну, и я захотел убедиться в том, что книжка чепуховая, не достойна нашего внимания. Взял ее в руки с уже некоторым отвращением. Раскрыл и по складам, про себя прочёл:

ЛЕМЕЛЕ ХОЗЯЙНИЧАЕТ

Мама уходит,
Спешит в магазин:
– Лемеле, ты
остаёшься один.

Мама сказала:
– Ты мне послужи:
Вымой тарелки
Сестру уложи.

Дрова наколоть
Не забудь, мой сынок,
Поймай петуха
И запири на замок.

Сестрёнка, тарелки
Петух и дрова...

У Лемеле только
Одна голова!

Схватил он сестрёнку
И запер в сарай.
Сказал он сестрёнке:
—Ты здесь поиграй!

Дрова он усердно
Помыл кипятком,
Четыре тарелки
Разбил молотком.

Но долго пришлось
С петухом воевать —
Ему не хотелось
Ложиться в кровать.

И вдруг впервые до меня дошло, что слова могут звучать так складно. Что их можно записывать в такие забавные короткие строчки, что это может быть так весело, так интересно.

Но, возвращая книгу, я всем своим видом старался показать: и зачем только такую фигню носят в сумках почтальоны?.. Но что-то со мной и с моим лицом сотворилось неладное.

Я вдруг засобирался домой, будто вспомнил что-то важное. И ребята, похоже, решили, что мне действительно надо по делу — не возражали.

Прилетел домой. Очень долго ныл и причитал, выбивая из матери стоимость книги. Она ничего не могла понять. Не мог же я сказать ей, что в этой книжке одни стихи... Язык не поворачивался. Это же позорище какое! Если о таком узнают мои приятели, то они же меня сначала заклюют насмешками, а потом и водиться со мной перестанут...

И вот выцарапал я у сердобольной мамули нужные деньги. Бросился в погоню за почтальоном.

Поймал. Она тоже долго не могла понять моей словесной тягомотины. А когда, наконец, поняла, то так расхохоталась, что я мигом вспотел и стал красный, как спелая земляника.

Книжку она уже продала. Но сказала, что на почте, кажется, есть ещё одна.

На другой день я болтался у почты с замутнённой душой, не позволявшей мне зайти туда самому.

Дождь, укараулил. Она вышла со своею толстой сумкой.

Я подождал, пока не свернула на тропу меж сосен и — помчался. До-гнал. Мне повезло.

...Книжку я прятал в самом потаённом месте. И прежде чем достать, раскрыть, убеждался, что поблизости никого.

...Прошло шестьдесят лет. Книжка эта стоит у меня в шкафу. На вид-ном месте. Жёлтая и потрёпанная от времени. Теперь я и прилюдно до-стаю её с удовольствием. И снова ломаю голову над непостижимостью чуда: время летит, а дружеская улыбка, а тепло большого щедрого че-ловеческого сердца поэта не улетучиваются. Наоборот — участливо гре-ют, поддерживают, переключая сознание на внимание, на восхищение Солнцем, Небом, Травой и всем живым, что копошится в этой траве...

Эта первая моя книжка стихов, сознательно приобретенная мною, называлась «К СОЛНЦУ». Перевод с еврейского. Издана была в Москве. В 1946 году. Написал её поэт Лев Квитко. А переводили стихи М.Светлов, М.Алигер, Е.Благинина и сам С.Михалков.

Он родился на Украине в 1890 году. В глухой деревне. Рано остался круглым сиротой. С десяти лет уже был сам себе работник и учитель. Сочинять стихи начал до того как освоил грамоту...

Кем только он не был!.. И маляром, и сапожником, и разносчиком у торговцев кожами, и работником на маслобойне, скитаясь по городам и сёлам. Вместе с ним скитался и его талант, радуя собой всё большее число людей.

И хоть писал для детей, в Советском Союзе он стал очень известным поэтом...

Хочется рассказать и ещё об одной книжке, ставшей для меня книж-кой — реликвией.

Много-много лет тому назад, когда я только начинал марать бумагу своими виршами, мой друг Константин Кузьминский, сейчас очень из-вестный специалист в области современной поэзии, подарил мне «Евгения Онегина» Александра Сергеевича Пушкина. Это была книжи-ца - томик размером со спичечный коробок. Да-да!.. Не больше! Издан сей коробок был аж в 1937 году, в Свердловске... Сам год издания зна-менателен. В те годы такие книжки почти не издавали... Книжица сия была мне подарена Кузьминским в 1960 году. И стала она мне по жизни талисманом. Моя работа, как и работа отца, была связана с длительны-

ми командировками в разные города, на разные заводы. На заводы, где есть автоматика. Эту автоматику я и налаживал. Кроме того, изрядное количество лет я проработал в Сибири и на Камчатке радистом в геологических партиях. И во всех моих поездках Александр Сергеевич был со мной. Покоился в кармане, поближе к сердцу...

И когда жизнь вдруг была так, что становилось совсем невыносимо, я доставал свой «спичечный коробок» с жёлтоувядшими страничками и... забывал всё на свете... Мучающая душевная тягота куда-то исчезала, а на смену ей приходило тепло улыбки и солнечный свет, тянувшийся ко мне сквозь мрачно-серые сугробы туч жизненной действительности...

При этом мне никогда не надоедало в тысячный раз вдруг замереть и задуматься над строкой, над словом, так и не постигнув до конца волшебства выраженного чувства...

Сожалели ли вы о потере какой-либо книги? Если да, то какой?

Был случай. Потеряв библиотечную книгу, я так расстроился, что заболел. Теперь тот случай не могу вспомнить без улыбки. Беда стряслась всё в той же Усть-Нарве (в Эстонии). Я тогда учился в четвёртом классе. Был записан в библиотеку при Доме Культуры. Читал охотно и много. Однажды собрался в кино. Заодно решил зайти в библиотеку и обменять книгу. Зашёл, обменял. Взял «Повесть о настоящем человеке» Бориса Полевого. Вошёл в кинозал. Сел на своё место, и пока не погас свет, жадно листал страницы. Но погас свет. Начался фильм. «Иван Никулин – русский матрос». Фильм захватил меня сразу. Да так, что толстая книга в руках не позволяла с потрохами отдаться впечатлениям. Я, недолго думая, взял и сел на эту книгу. И сидел теперь, как мне казалось, куда ближе к событиям и самим героям, переживавшим эти события. Фильм оказался потрясающе интересным. Настолько, что когда зажёгся свет, я не сразу поднялся, не сразу вышел на улицу, и только уже дома... вспомнил про книгу. Как угорелый помчался в Дом Культуры. Забегал, запричитал, заплакал. Тётеньки билетёрши помогали мне, как могли, искать пропажу... Но увы... Книжку явно «зачитали... На следующее утро я заболел, и в школу мамуля меня не пустила. А повесть о лётчике, о «Настоящем человеке» я всё же прочёл. Но... позднее.

 Дарили ли вы книги? Дарили ли Вам книги? Кто дарил?

В 1977-м году вышла моя первая книжка для ребят «Парусам нужен ветер». С рисунками Михаила Бычкова. В том году я подолгу бывал в командировках на Череповецком металлургическом комбинате. Вместе с другими наладчиками пускал в действие автоматику прокатного «Стана 2500». Неожиданно мне понадобилось срочно выехать в Ленинград (как он тогда назывался). Ближайший поезд шёл транзитом через Череповец глухой ночью. На вокзале билетная касса в столь позднее время не работала. Стоянка поезда пять минут. Я заметался между вагонами, умаяя проводниц взять меня. Они отказывались, ссылаясь на отсутствие свободных мест. Но одна тётенька, с очень строгим лицом, вдруг согласилась меня приютить. Она сказала очень хмуро:

- Залезай. И на глаза мне там не попадайся

Вошёл в вагон. Пассажиры спали. Горели только синие лампочки в проходе. Иду. Смотрю по сторонам, выискивая уголок, чтобы как-то притулиться. Вдруг вижу впереди мальчика. Лет десяти. Весь подался в проход. Держит книжку и... читает при этом синем тусклом свете. Время от времени раздавался его приглушённый смех. Во мне шевельнулось: «Интересно, над чем это он там?.. В такое-то время... Подошёл к чтецу. Смотрю, напротив, на нижней полке, поджав ноги, спит старичок. И место в его ногах свободно. Я и сел. Как раз напротив мальчишки.

—Ты чего не спишь? — спрашиваю.

—Неохота.

—А читаешь зачем при таком свете? Глаза же испортишь

—Не испорчу. Да и книжка интересная...

—Что хоть за книжка?

И он протягивает мне. Смотрю: «Парусам нужен ветер».

На какое-то время я потерял дар речи. Нашёлся не сразу.

—Слушай, — говорю, — как тебя звать?

—Мишка.

—А фамилия?

—Забелин.

—Мишаня, давай я тебе подпишу книжку?

—А чего её подписывать, она же моя...

Не сразу Мишаня Забелин поверил в то, что перед ним автор. Но когда поверил, то мы уже с ним были друзьями. Так я впервые узнал, что такое «авторский автограф».

А ещё, касаясь дарения книг, в памяти моей до сих пор живёт и не тускнеет такое. В начале 60-ых я вдруг ощутил жгучую мечту иметь добротный словарь русского языка. Разумеется, словарь Владимира Даля. Но в те времена словарь этот и само имя Даля основательно замалчивались. Я ходил по магазинам старой книги, спрашивал, но ответ был один: «Нет». Мой друг Константин Кузьминский, о котором я упоминал выше, знал о моей мечте. Смеясь, он говаривал: «Да ты не горюй! Будет у тебя Даль...» И вот однажды он даёт мне бумажку, а в ней имена и отчества двух женщин.

— Дуй, — говорит, — прямо сейчас в магазин старой книги на углу Невского и Литейного. Знаешь такой?

— Ещё как! — говорю.

— Скажи там продавщицам: я от Кузьминского. Кстати, возьми с собой вот эту сумку, пригодится...

Сумка — большая, матерчатая. На килограмм десять картошки.

На ту минуту о Дале я и не вспомнил. Я подумал, что это Костя себе напробил всяких книжек, уже уплатил за них, и только просит меня принести.

Прихожу в магазин. Продавщицы — на месте. Ссылаюсь на Кузьминского. Женщины в ответ заулыбались. Завели меня в тёмный коридорчик. Велели ждать.

И приносят мне... четыре огромных тяжелых тома в зеленоватой обложке. Самого Даля. У меня и рот раскрылся от изумления. Дрожащим голосом спрашиваю: «Сколько с меня?..» В ответ слышу смех: «Уже заплачено...»

Словом, картофельная сумка пригодилась.

Словарь оказался издания 1955 года. Причём, набран и напечатан со второго издания аж 1880 — 1882 годов. Красотища!..

С той поры стоит мне открыть любой том, на любой странице этой великой книги, и уже — не оторваться. Столько трепетно живого, столько «вкусного» в этих речевых оборотах. В этих пословицах и поговорках, отражающих тончайшие жизненные наблюдения... А какие говоры-речения!.. Тамбовские, тульские, рязанские, вологодские!.

Да, это был царский подарок.

 Изменяли ли вы сюжет, героев, включали ли себя в повествование?

У меня ощущение, что я никогда себя лично не включал ни в сюжет, ни в ткань повествования. Но все действия, все поступки тех, о ком шла речь, всегда и строго сопоставлялись, соразмерялись с моими критериями отношения к жизни, к окружающему миру...

 Какой книге, каким героям вы подражали? В каком возрасте, и каким книгам?

Случаев подражания героям книг я что-то не упомяну. Потому как самые яркие впечатления раннего детства приходились на суровые послевоенные годы. Как-то не до того было... Больше играли в войну...

 Играли ли вы по книгам? С кем? По каким книгам? Когда?

Касаемо игр по книгам. Вспоминаю очень смутно игры по книге Рафаэлло Джованьоли «Спартак». Делали мечи, щиты. Устраивали гладиаторские бои, которые переходили в благородные восстания рабов. На такие игры собиралась ребятня нашего и соседнего двора.

 Были ли у вас практики тайного чтения? Какие?

Помню лишь такое. В начале пятидесятых я с родителями жил на Урале, в городке Верх-Нейвинске. На картах он не значился по причине секретности. Вот там-то я и полюбил бродить по горам, лесам, рекам и озёрам. Полюбил таёжные рассветы и закаты. Полюбил всё живое, что встречало эти рассветы и провожало эти закаты... Но однажды, переживая дома громогласную непогоду, я наткнулся среди родительских книг на книгу «Декамерон» Джованни Боккаччо. Оказалось, она написана аж в 1352-м году. Экземпляр в моих руках тоже был ветхим, потрепаным. С жёлтыми страницами. Это ж сколько народу листало его!.. Ткнулся я в находку. И потрясла она меня мудрым тактом, с каким в книге говорилось о мужчинах и женщинах. О сокровенных, интимных отношениях между ними. Говорилось тепло, участливо. Порою с нежной улыбкой. И без малейшей крупинки цинизма. Разумеется, оценил я всё это гораздо позднее. С годами, вспоминая эту книгу, я всё больше думал и о незаурядном таланте переводчика.

Опишите самую уютную обстановку для чтения? Самое уютное место?

Это было на Урале. Всё в том же Верх-Нейвинске. Надвигался вечер, за окном уже смеркалось. Я сидел на кухне за столом над книгой с рассказом «Живые мощи» Ивана Сергеевича Тургенева. Дома никого не было. Ни матери, ни отца. Тишина. Уютное тепло от протопленной печки располагало к тихому и глубокому размышлению. Располагало к яркому восприятию, нарисованных словом, картин...

Учительница Веринея Семёновна задала нам прочесть этот рассказ с тем, чтобы потом пересказать.

То, О ЧЁМ говорилось в рассказе и то КАК говорилось, меня буквально потрясло. Я вдруг откладывал книгу, долго сидел задумавшись, всё острее ощущая, что со мной творится что-то неладное.

Поднялся из-за стола, рассеянно вышагивал по кухне. Подходил к окну. Там за забором, в сумерках стояла соседская корова Машка. Смотрела в моё окно на меня. А я видел её и... не видел. Я смотрел в окно сквозь туман наворачивающихся слёз...

Духа перечитать рассказ, дабы деловито подготовиться к пересказу, мне не хватило.

Вечером родители решили, что я заболел. И всё тянули из меня жилы, мол, как и что?.. Ничего путного сказать им, я не нашёлся. И сам ничего не понимал, продолжая жить в густом тумане...

Пребывал в нём и тогда, когда на другой день Вириная Семёновна вызвала меня к доске. Я должен был первым начать пересказ, а продолжат, мол, — другие.

Я поднялся, стал отнекиваться. Потому что вдруг почувствовал, что ничего не знаю, ничего не помню. Тургенев... рассказ... а дальше — полная пустота смятения. Я даже брякнул: «Рассказа не читал... Не успел...» Но Вириная Семёновна, не замечая моей заклинитости, продолжала почему-то мягко выталкивать меня к доске взглядом своих больших тёмных и влажных глаз. Скандально перечить этой учительнице никому бы и в голову не пришло. Вириная Семёновна была человеком удивительной доброты, человеком широкой и нежной души...

И я вышел.

Вышел в полной протрации.

Долго не мог рта раскрыть. Вириная Семёновна стояла у окна, рассеяно смотрела куда-то на деревья и терпеливо ждала.

Чтобы учитель столько ждал?.. И чего?..

Помню, что рот я раскрыл. Что-то начал мямлить...

Но вдруг мой голос начал набирать силу. Я заговорил.

Но о чём я говорил тогда — не помню.

Прозвенел звонок с урока, но никто не шевельнулся. Я продолжал нести, что-то своё. Виринея Семёновна, потупившись, стояла рядом.

Прозвенел звонок на следующий урок.

Но вот, наконец, я остановился.

Мне запомнилась эта повисшая в классе тишина. Она длилась долго.

Никаких комментариев со стороны учительницы не последовало.

—Садись, — сказала она.

Я чувствовал на себе глубокий, пристальный взгляд её глаз.

Когда я сел, она склонилась над журналом.

Похвалы в свой адрес не услышал. И было мне всё равно: «трояк» я схлопотал или «пару» за своё торчание у доски. Я не помнил что конкретно молол и не достойна ли осуждения была эта моя молотьба?..

Между мною и Виринеей Семёновной с той поры протянулось невидимая ниточка нежного взаимочувствования. Во всяком случае, мне так кажется теперь. Несколько дней после того случая мои одноклассники поглядывали на меня с какой-то подозрительной серьёзностью. Мол, не с лешаками ли он в тайге снюхался?.. Вскоре потусторонний нимб над моей головой то ли растаял, то ли покотился искать другую, более достойную голову.

Страница писателя: deti.spb.ru/writers_rus/a_id66

НИНА СЕРГЕЕВНА ДАШЕВСКАЯ

прозаик, музыкант, живет в Москве

Сожалели ли вы о потере какой-либо книги? Если да, то какой?

Я часто теряю разные вещи, в том числе и книги — и всегда жаль. Сейчас вспомнила про тоненькую мягкую книжку, четыре маленьких сказки Лисняка. Я их очень люблю; хотя этого писателя мало кто знает, и найти ещё какие-то его тексты мне не удалось.

Друзья прислали мне фотографии страниц, у кого-то эта книга нашлась; но мне жаль бумажной, своей.

Дарили ли вы книги? Дарили ли Вам книги? Кто дарил?

Часто дарили в детстве — это был классический подарок на любые праздники; и сейчас дарят, и я дарю. Дарю те книги, которые хорошо знаю; чаще всего, правда, сейчас дарю свои. Первый подарок будущего мужа на день рождения был — «Жажда жизни» Стоуна, про Ван Гога (кажется, 15 лет тогда мне исполнилось). Да, она тоже пропала и мне жаль ее.

И не так давно я внезапно увлеклась одним поэтом, и муж подарил мне сразу три его книги. Думаю, что книга можно быть действительно лучшим подарком, если подходит. А может быть совершенно бесполезным.

Люблю читать дарственные надписи неизвестных людей. Недавно мы с Алексеем Олейниковым были Красноярске и на уличной буккроссинговой полке увидели книгу. Содержание было не так важно, но дарственные надписи (видимо, однокурсников), пожелания «вступить в

новую для тебя жизнь», «выбрать верную дорогу» годов семидесятых очень впечатлили

 Изменяли ли вы сюжет, героев, включали ли себя в повествование?

Нет, почему-то такого не было со мной. Скорее, начинали вертеться похожие истории, похожие герои. Но изменять сюжет не приходило в голову: автор сказал «умер», значит, так и было.

 Какой книге, каким героям вы подражали? В каком возрасте, и каким книгам?

Не помню, чтобы конкретно подражать кому-то. Кажется, такого не было.

 Играли ли вы по книгам? С кем? По каким книгам? Когда?

Я нет. А вот муж Юра играл в «Трёх мушкетёров», всем классом – и для кого-то остался «Атосом» до сих пор, и я завидую его рассказам – кажется, у них там очень интересно это всё происходило.

 Были ли у вас практики тайного чтения? Какие?

Да! Это конечно. Я любила брать книги старшей сестры или брата. Они это очень не любили – надо было прятаться. Было место за креслом, например. И вообще мне не очень разрешали много читать – садилось зрение, и надо было заниматься музыкой. Был даже способ ставить книгу на пульт для нот и делать вид, что занимаешься; но это мне не нравилось, неудобно – надо ведь что-то играть, это отвлекает.

В школе – конечно, кто не читал, положив книгу под учебник.

 Опишите самую уютную обстановку для чтения? Самое уютное место?

Чтобы не мешали, чтобы у меня не было в это время других задач. Если книга интересная – место не имеет значения вообще никакого; может быть тесно (стоя в метро), холодно, неудобно – неважно. Больше всего я читаю в дороге, в метро. В поезде очень хорошо, но я мало езжу. Иногда в театре, на работе – в перерывах. И если книга «попала» –

рядом могут сидеть люди и разговаривать о чём угодно, не мешает ничего.

Страница писателя: deti.spb.ru/writers_rus/a_id861

АНДРЕЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ ЖВАЛЕВСКИЙ

писатель, сценарист, живет в Минске (Республика Беларусь)

 Была (есть ли) у вас книга-реликвия, которая передавалась или хранилась из поколения в поколение в вашей семье?

У меня оба родителя из крестьян, не все мои предки грамоте знали, так что фамильных реликвий не было. А теперь уж и не будет. Разве что файлы будут переходить от отца к сыну, с ноутбука в «облако».

 Сожалели ли вы о потере какой-либо книги? Если да, то какой?

Когда служил в армии, мне попалась книга «Альтист Данилов» Владимира Орлова. Ну, как книга... страницы из нескольких номеров «Нового мира», переплетенные в одну брошюру. Я ей зачитывался в ущерб несению службы. После увольнения в запас забрал с собой. А потом она куда-то делась. Я очень переживал. Потом, конечно, купил в виде нормальной книги, но почему-то прежнего удовольствия не получил.

 Дарили ли вы книги? Дарили ли Вам книги? Кто дарил?

Поскольку я был читающим... нет глотающим книги ребенком, в детстве мне книг дарили очень много. Кстати, тогда это была реальная проблема – найти интересную книгу. Макулатуру сдавали, знакомства

в книжных магазинах заводи́ли... А потом я вырос, книг внезапно стало много, и я принялся дарить их направо и налево. То есть я думал, что даю на время почитать, но потом оказывалось, что книга улетучилась в неизвестном направлении. Сейчас, если книга мне очень нравится, я сразу покупаю несколько экземпляров. А через год — еще несколько. Ну и свои книги, конечно, люблю дарить. Особенно библиотекам.

 Изменяли ли вы сюжет, героев, включали ли себя в повествование?

Это два разных вопроса, начну с первого.

Да, сюжет книги иногда приходится менять по ходу написания. Хотя перед началом работы мы с Евгенией Пастернак всегда составляем довольно подробный план. Однако с какого-то момента история вдруг сворачивает в сторону и упорно движется не туда, куда мы планировали. Нам это очень нравится: значит, книга ожила, у героев появился свой характер, свои цели. Единственное, что мы стараемся удержать, — финал. Как бы герой ни выпендривался, прийти он должен в назначенную точку. Хотя и тут бывают сюрпризы. Например, в «Гимназии № 13» по первоначальному замыслу дуб должен был уцелеть. Но по мере приближения к концу истории становилось понятно, что им придется пожертвовать. Издательство нам этого так и не простило, даже аннотация начинается словами «Не надо было трогать дуб!»

Включал ли я себя в повествование? Было пару раз. Например, в книге «Время всегда хорошее» Витя Шевченко — это вылитый я в детстве. Правда, ничего из описанного в повести со мной не происходило... И еще есть несколько автобиографических рассказов в сборнике «Типа смотри короче». Но обычно мы стараемся героев полностью придумывать. Хотя, конечно, все равно какие-то наши черты характера проступают.

 Какой книге, каким героям вы подражали? В каком возрасте, и каким книгам?

Не помню такого... Были книги, которые раз и навсегда (то есть до следующей книги) определяли мою судьбу. Например, после «Цусимы»* я твердо решил стать моряком, а после мемуаров какого-то летчика-испытателя (уже не помню фамилии) я выбрал для себя профессию летчика... Но конкретным героям, кажется, не подражал.

 Играли ли вы по книгам? С кем? По каким книгам? Когда?

По книгам я играл обычно сам с собой. Особенно меня впечатляли исторические повести Яна, а также истории из войны 1812 года. Я находил схемы сражений и разыгрывал их, используя пуговицы.

 Были ли у вас практики тайного чтения? Какие?

Родители большей частью поддерживали мою книгоманию. Это было удобно: сунул ребенку в руки книгу – и забыл о нем. Но иногда отец сердился: «Что ты уткнулся в книжку? Бледный, как смерть! Марш на улицу!». Я покорно отдавал книгу, шел на улицу, садился на скамеечку и доставал из-под рубашки заранее припрятанную запасную книгу.

 Опишите самую уютную обстановку для чтения? Самое уютное место?

В детстве рядом с домом моей бабушки была огромная вишня. По крайней мере, мне она казалась огромной. Я забирался на нее, прятался в ветках и читал. Еще любил читать на груше. На худой конец – на чердаке. С возрастом стал не так привередлив, полюбил читать на ходу, в транспорте. К счастью, человечество вовремя посетилось и изобрело смартфоны, так что не приходится таскать с собой килограммы бумаги.

Страница писателя: deti.spb.ru/writers_rus/a_id610

ИРИНА ВАДИМОВНА ЗАРТАЙСКАЯ

*прозаик, живет в
Санкт-Петербурге*

 Была (есть ли) у вас книга-реликвия, которая передавалась или хранилась из поколения в поколение в вашей семье?

Если она и есть, то настолько секретная, что я о ней ничего не знаю...

 Сожалели ли вы о потере какой-либо книги? Если да, то какой?

Потерять книгу в нашем доме всегда было равносильно преступлению. Каждая строго отслеживалась, а если вдруг (о, чудо!) давалась кому-то почитать, это моментально фиксировалось, как в библиотеке. Наша квартира, кстати, так и называлась «Библиотека Зартайских». Мы даже формуляры завели и читательские билеты.

 Дарили ли вы книги? Дарили ли Вам книги? Кто дарил?

Конечно, книги дарили и дарились. Не зря же говорят, что это лучший подарок. Хотя, признаюсь честно, для меня это было не совсем так. Все мое детство меня окружали книги. Они были (да и есть теперь) везде: в шкафах, антресолях, чулане, тумбочках, под кроватями и в тахте, даже в туалете. Поэтому, когда мне кто-то дарил книгу, я не слишком-то радовалась – их у меня всегда было в достатке.

 Изменяли ли вы сюжет, героев, включали ли себя в повествование?

Мне кажется, ни одному читателю не удалось избежать участи олицетворения себя с героем книги. «Тройное КУ!» тем, кто никогда этого не испытывал. А вот изменить сюжет... Пожалуй, я всегда принимала

его таким, как есть. Тут уж автор – царь и бог, а я читатель – простой смертный.

 Какой книге, каким героям вы подражали? В каком возрасте, и каким книгам?

Возможно, Пеппи Длинныйчулок была для меня неким примером. Только не подражания, а восхищения. И дело даже не в том, как она одевалась или как держала себя со своими друзьями. А в том, что она жила одна и была уже вполне самостоятельной в том возрасте, когда другие дети все еще должны вовремя садиться за стол к обеду.

 Играли ли вы по книгам? С кем? По каким книгам? Когда?

Книги детям не игрушка. Шучу. Никогда не играла. Теперь уже серьезно.

 Были ли у вас практики тайного чтения? Какие?

Не припомню. А вот папа рассказывал, что читал втайне от родителей: под одеялом и с фонариком, когда пора было ложиться спать. И ничего. Вырос умным и в очках.

 Опишите самую уютную обстановку для чтения? Самое уютное место?

Любое место может быть уютным для чтения, если тебе не орут в ухо.

Страница писателя: deti.spb.ru/writers_rus/a_id634

АННА СЕРГЕЕВНА ИГНАТОВА

прозаик, поэт, живет в
Санкт-Петербурге

Сожалели ли вы о потере какой-либо книги? Если да, то какой?

Зайку бросила хозяйка. Когда мне было шесть лет, летом на даче я читала большую книгу с красивыми картинками. Я не помню ни названия книги, ни автора... Но зато я до сих пор помню главного героя, кролика в клетчатых красно-синих штанах с пуговицей на животе (не путать с Карлсоном). И я отлично помню, как он сидит на травке перед своим домом. Дверь дома приоткрыта, он одним прыжком может оказаться внутри, где уютно и безопасно. Мне очень нравилось, что кролик сидит так близко к двери. Чуть что, а он сразу – прыг! – и дома.

Как-то читала я на улице. Во дворе был деревянный стол и скамейка. Большая книга лежала на столе, страницы раскрыты, на страницах – мой кролик.

Беда в том, что меня позвали обедать. Раз позвали, два позвали, три позвали... На четвертый раз меня так позвали обедать, что я мигом вскочила и побежала в дом. А большая книга с кроликом осталась на столе.

После обеда меня друзья позвали плавить свинец и отливать в песке фигурки... Потом обязательно надо было идти в поле собирать репейник. Из репейника получают отличные медведи, если собрать много круглых колючек. А потом подул сильный ветер, небо закрыла страшная черная туча, грянул гром, и надо было мчаться домой со всех ног.

Я прибежала на крыльцо мокрая и веселая. Как здорово, когда гремит гром и хлещет ливень, юркнуть в открытую дверь, в свой домик, налить горячего чая, устроиться уютно за столом с большой книгой... Книга! Кролик остался под дождем!!

Я выскочила во двор, к деревянному столу. Никого. Под столом тоже никого. И на скамейке, и под скамейкой. Кролика нигде не было.

Я заревела, бросилась к маме, к брату. Кто убрал книгу со стола, где мой кролик? Никто ничего не видел, никто ничего не убирал... Куда же она делась?

— Ее насквозь промочил дождь, она раскисла, превратилась в ручей и утекла в пруд, — сурово сказала мама.

У нас рядом с домом, сразу за забором, был пруд, круглый, как тарелка. По краям — осока, воды не видно, всё ряской заросло. Если туда издали бросить камень, никаких кругов не расходилось, только раздавалось короткое «хлюп» — и всё. Что в пруд попадало, то пропадало.

Вот и книга моя пропала. Так и не нашлась. Я долго горевала по своему кролику. Всё представляла, как он остался один, как полился дождь, а хозяйка, то есть я, о нем забыла... Хоть пиши с меня стихотворение Агнии Барто. Что я натворила, как я могла? Преступница, убийца. Нет мне прощения. Милый мой кролик, он был так близко от своего уютного дома. Но не успел запрыгнуть в дверь.

Каждый день я подходила к жуткому заросшему пруду, вглядывалась в ряску, видела в зеленом цветные точки: красные, синие. Наверное, это клетчатые штаны кролика, думала я и бросала в тину цветы, как на могилу. Мой любимый герой, он не прожил даже ту небольшую жизнь, которую придумал для него автор, умер в середине сказки.

Я думаю, что можно было найти вторую такую книгу. Это сейчас я не помню ни названия, ни автора, а тогда-то я всё помнила, а уж родители тем более. Но я не просила и сама не искала. Наверное, если бы мне принесли точно такую же большую книгу с красивыми картинками, я бы ей не обрадовалась. Это была бы не та книга, это была бы подделка. Всё равно что вместо погибшей невесты привести безутешному жениху ее сестру-двойняшку. Такая же, но не она. Значит, книги, как люди, умирают навсегда? Наверное, да. В шесть лет — точно.

 Играли ли вы по книгам? С кем? По каким книгам? Когда

Я не знаю, что было прежде: мы с братом влюбились в индейцев и поэтому стали читать о них книги или прочитали несколько книг об индейцах, а уже потом стали делать луки, втыкать в волосы перья ворон и чаек и издавать боевые кличи, хлопая себя ладонью по рту.

Между прочим, Фенимор Купер как признанный знаток индейцев нас только раздражал. У него были неправильные индейцы. Они были

на вторых ролях, и всегда находились бледнолицые, которым эти индейцы помогали. А бледнолицые, значит, были лучше, благороднее, умнее, красивее и вообще молодцы. Нет, нас такой порядок не устраивал. Индеец — самый лучший человек на земле. Бледнолицый ему в подметки не годится. Индеец ходит по лесу, как невидимка (мы тренировались осенью беззвучно ходить по сухим листьям в парке); он сдержан и никогда не будет обзывать своего врага, просто подойдет бесшумно и убьет его кулаком (мы старались не ссориться и не кричать друг на друга, как склочные бледнолицые, а сразу молча лезли в драку); индеец ловок, вынослив и свободен, как ветер, никто его не удержит (мы лазали по деревьям, ходили по заборам, прыгали с гаражей и устраивали прочие испытания на ловкость, смелость и свободолюбие). Луки мы делали из всего, что гнется. А самые лучшие стрелы получались из стержней для шариковых ручек. Заостренные, с металлическим наконечником — то, что надо. Лук приходилось, конечно, делать маленьким, но ничего.

Я уже не говорю о таких чудесных вещах, как шалаши, костры и прочие атрибуты походного быта. Всю жизнь жарить мясо на огне! Спать на шкурах! Купаться в реке! Ловить рыбу! Двух мнений быть не может: индейцы — самые умные люди на земле и живут так, как хочет жить любой здравомыслящий человек.

Моей любимой книгой была история Куоннезина Вэши (в переводе с индейского Серая Сова!) «Саджо и ее бобры». Правда, я долгое время неправильно читала имя главной героини и думала, что ее зовут Садко. Никаких других Садко я тогда знать не знала и ужасно обрадовалась, увидев как-то в программке фильм со знакомым именем — «Садко». Жаль, что из названия убрали бобров, но фильм-то сняли, молодцы! Вся в предвкушении, я уселась перед экраном телевизора и минут пять уверяла себя, что сейчас появятся индейцы вместо этих глупых, толстых купцов. Увы, не появились. Через семь минут я выключила телевизор.

А по книге автора с прекрасным именем Сат-Ок (то есть Длинное Перо) «Земля Соленых Скал» мы учили индейский язык. Прежде всего мы выбрали себе достойные имена, чтобы не быть ути (малышами без имени). Брат сказал, что мне подойдет имя Тинглит (Стройная Березка), но я хотела что-то более мужественное, например, Медвежий Коготь или Волчья Лапа. Один наш знакомый во дворе тоже хотел пристроиться к игре и сказал, что будет Чингачгуком. Такой примитивный выбор имени нас насмешил, но мы были индейцами и не стали скалить зубы, как мартышки, а сдержанно сказали, что для игры надо прочесть хоть од-

ну настоящую книгу об индейцах и сделать хоть один лук. Знакомый пожал плечами и отвалил.

Лучше всего играть было летом, на Вуоксе. Можно было спать на подстилке из камыша, делать рябиновые бусы, собирать перья чаек. А главное, можно было загореть как следует, чтобы никто не мог назвать нас бледнолицыми. Мы были бронзовыми, с прекрасными шрамами и синяками, мы зорко вглядывались вдаль и ловко работали веслами, мы чистили рыбу и варили уху на костре, мы были свободными людьми. Никакого города, никаких машин, никакого телевизора. Только чайки кричат, волны плещут и тростник шелестит. Индейцы бесшумно прыгают с камня на камень, пробираясь вглубь острова... Уши слушают, глаза вглядываются, все мускулы напряжены. Будет на ужин сладкая земляника...

Опишите самую уютную обстановку для чтения? Самое уютное место?

Читать хорошо, с ногами забравшись на диван и закутавшись в плед. Хорошо бы, чтобы в комнате было темно и горела бы настенная лампочка. Чтобы вокруг была темнота, а ты в кругу света, как в маленькой комнатке или пещерке. Или на островке.

Когда я так устраиваюсь с книгой, ко мне приходит кот. Он ложится на плед и подставляет живот, который обязательно надо гладить. Это очень уютно — читать и гладить кота. Кот мурлыкает, часы тикают, а больше никаких звуков.

А вообще, если книга тебя заглотила целиком, то читать будешь где угодно. В автобусе, цепляясь рукой за поручень и переворачивая страницы носом. На остановке выйдешь, а книгу не закроешь, так и пойдешь домой, читая на ходу и обходя препятствия, не глядя, как летучая мышь. У костра будешь читать и светить себе фонариком. Какая разница. Ведь если ты читаешь, то ты там, а не тут.

Страница писателя: deti.spb.ru/writers_rus/a_id644

НАИЛЬ ИЗМАЙЛОВ (ШАМИЛЬ ИДИАТУЛЛИН)

писатель, живет в Москве

Была (есть ли) у вас книга-реликвия, которая передавалась или хранилась из поколения в поколение в вашей семье?

К сожалению, нет. Я татарин, а у татар литературная преемственность была очень ловко подрублена двухкратной сменой письменности (в 20-е с арабицы на латиницу, в 30-е с латиницы на кириллицу). Соответственно, сразу несколько поколений перестали понимать книги, которые читали родители, и наоборот. Совсем клинической ситуацию сделала борьба с религиозными пережитками, в рамках которой подозрительной объявлялась всякая книга с арабским шрифтом. От таких книг предпочитали избавляться, а других не было, потому что на русском и европейских языках мои предки не читали.

Но я как нормальный книжный мальчик, конечно, частенько мечтал о какой-то особой книжной реликвии, и даже искал ее по шкафам и чердакам деревенских родичей. Нашел, помнится, только старую оборванную книгу на русском без начала и конца, на всякий случай прочитал ее дважды, но ничего сакрального не обнаружил (то была изданная в 50-е повесть «Жизнь и необыкновенные приключения капитан-лейтенанта

Головнина», из которой я запомнил лишь пару полинезийских якобы терминов типа «*Табу расиси — брюхо набито*»).

Сожалели ли вы о потере какой-либо книги? Если да, то какой?

Наверное, самая горькой потерей была утрата богато иллюстрированной книги «На волне знаменитых капитанов» (по мотивам многолетнего радиоспектакля). Обстоятельств и прочих деталей не помню совсем, да и про потерю я как-то сразу забыл. А классе в пятом услышал соответствующую радиопередачу, начал судорожно вспоминать, почему сюжет мне знаком — и мама напомнила, что была вот такая книга, а потом ты, Шамиль, потащил ее в лесок на прогулку со своей группой детсада, и забыл на поляне. И стало мне мучительно больно и обидно. Страдал несколько лет, потом умудрился в букинисте купить книжную версию поскромнее — и успокоился. Так, что сейчас про потерю и ее забывание опять еле вспомнил.

Но больше значимых книг я не терял, а друзьям, которые пытались что-то зачитать, выгрызал мозжечок.

Дарили ли вы книги? Дарили ли Вам книги? Кто дарил?

Конечно. «Книга — лучший подарок», все вот это. Обычно это как происходило: одноклассник зовет на день рождения, родителям сказать об этом забываешь, пора выходить — а подарка нет. Хватаешь первую попавшуюся книжку, какую не жалко, надписываешь и тащишь. Если она уже надписана, потому что была подарена тебе, наклеиваешь поверх надписи открытку.

У меня до сих пор хранятся несколько таких книг, что с дарственными надписями, что с открытками («Мы все из Бюллербю» Линдгрэн, например). Они с самого начала были не новыми, но принимал я их с благодарностью, потому что мне лишь бы читать. «И телячьей колбасы самой-самой лучшей», до сих пор помню.

По той же причине сам я книг не дарил. Мне как раз почти все было жалко. Разве что пару раз в первом или втором классе — сбавил приятелю «Красную легенду на белом снегу», которую сам так и не осилил, потому что там про становление Советской власти у манси, а мне больше приключения нравились, как в «Операции «Чукотка»».

Изменяли ли вы сюжет, героев, включали ли себя в повествование?

Покаяться не могу — забыл почему-то, — но наверняка и сюжет перепридумывал, чтобы страданий у героев было поменьше, и себя на их место ставил. Но, скорее, ставил не себя на их место, а их — на свое.

А иногда приходилось додумывать пропущенные куски — например, когда повесть печаталась с продолжением в нескольких номерах журнала «Пионер» или «Костер», а мне удавалось найти (в основном стырить из макулатуры, собранной в рамках пионерского соревнования) лишь часть этих номеров.

Какой книге, каким героям вы подражали? В каком возрасте, и каким книгам?

Я просто болел Крапивиним. Как начал в феврале 1980, кажется, года, — когда, сачкуя в рамках очередной пневмонии, бродил в свитере по квартире, тоскливо оглядывая либо перепаханые, либо неинтересные полки, с отчаяния вытащил из-под стола пачку прошлогодних журналов «Пионер», принялся читать кусками что придется и наткнулся на продолжение повести «Колыбельная для брата», — так и пропал надолго, а может, и навсегда. В той пачке было, к счастью, еще одно продолжение, а также окончание. А первых двух номеров не было. И искал я их по макулатурам да библиотекам долгие полтора года. Начало третьего куска (про визит Женьки с доносом на гетмана-злодея Петру Евгеньевичу от Кочубея) уже запомнилось мне без малого дословно и почти не требовало прелюдий и пояснений, когда нашелся первый номер — а там трагические обстоятельства кражи кошелька. И счастье под той же оборванной обложкой. И новое счастье: отыскался второй номер — а там вся правда про зеленого павиана Джимми и строительство гафельного кеча «Капитан Грант». Хотя нет, не вся. Одного листа не хватало, что заставило меня придумать кучу версий абзаца, кончавшегося почему-то словами «А потом уже не смеялись». Не угадал, естественно.

Чуть позже вторым любимым писателем стал Виктор Конецкий, потом братья Стругацкие. Подражать их героям было как-то странно — где я, близорукий постоянно болеющий школьник, а где трепливые старпомы с межпланетниками, — но какие-то базовые понятия о хорошем и плохом эти книги, понятно, зацементировали.

Иногда очень хотелось вести себя как Эдмон Дантес, капитан Блад или Евгений Таманцев, — но для этого требовалось обладать их умениями, а мне этого не светило. Ну я и успокаивался.

Вообще примерно такой список любимых книжных героев детства получается:

В 6-7 лет, это 1977-78 годы примерно: Тигрра («Винни-Пух и все-все-все»), Ромка Рамазан (одноименная сказка Константина Лагунова) — пес такой, храбрый и позитивный.

1979: барабанщик Сергей Щербачев (если не ошибаюсь).

1980: Том Сойер-сыщик и заграничник (в классической дилогии не нравился), Кирилл Векшин («Колыбельная для брата», Крапивин). Потом к нему добавились еще человек десять крапивинских мальчиков.

1981: невидимый мальчик Рустем, воюющий с фашистами («Приключения Рустема» Аделя Кутуя).

1982: герои Юрия Томина: трепло Шмель («Борька, я и невидимка») и юный инопланетянин («Карусели над городом»). Сандро Бучукуртели («Мальчишки из Икалто» Ладос Мрелашвили). Энкаведешник Ильдар Закиров, отлавливающий германских шпионов («Тайна стоит жизни» Зуфара Фаткутдинова).

1984: капитан Блад (соответствующая одиссея), Джефф Питерс и Энди Такер, Юрка «Еще бы» («Пять похищенных монахов»).

1985: Евгений Таманцев («Момент истины»).

1986: Моряки Манька и Альфонс (рассказы Конечского).

Потом пошло уже взрослое чтение.

Ну и есть две цитаты, которым мне очень помогали и помогают что в жизни, что в работе.

Первая, понятно, из Крапивина:

Самое трудное знаешь, что? Когда ты считаешь, что надо делать одно, а тебе говорят: делай другое. И говорят хором, говорят самые справедливые слова, и ты сам уже начинаешь думать: а ведь, наверно, они и в самом деле правы. Может случиться, что правы. Но если будет в тебе хоть капелька сомнения, если в самой-самой глубине души осталась крошка уверенности, что прав ты, а не они, делай по-своему. Не оправдывай себя чужими правильными словами.

Вторая — из Юрия Томина:

Мне нравится, когда меня ругают люди, которые мне не нравятся.

Вот когда меня ругает Елизавета Максимовна, наша классная руководительница, мне как будто даже щекотно. Потому что она мне не нравится.

Если Вика Данилова – мне всегда смешно. Я ее терпеть не могу. Она староста.

Только когда ругают папа и мама, выходит как-то непонятно. Я их люблю, но все их слова уже наизусть выучил. Поэтому получается не смешно и не обидно.

А если бы меня выругал какой-нибудь фашист, я бы, наверное, на небо залез от радости.

 Играли ли вы по книгам? С кем? По каким книгам? Когда?

По-моему, нет. Влияние кино и телефильмов в этом смысле было несравнимо большим – все пацаны внезапно то принимались заматываться в шторы, размахивать указками и лающе кричать «Каналья!», то сипло орать «А теперь Горбатый!»

 Были ли у вас практики тайного чтения? Какие?

Я читал постоянно, всегда и везде, в том числе по дороге из школы и вместо ужина. Естественно, родители пытались это безобразие пресечь в том числе инструментальным способом: например, папа убирал детские книги (кроме предусмотренных школьной программой) на антресоли, которые заколачивал гвоздями. Ну и гулять меня пинками выгоняли. Соответственно, я довольно рано освоил гвоздодер, а вместо улицы шел в гости к соседям и спокойно читал у них. Про фонарик под одеялом уж молчу – через это все, наверное, прошли.

 Опишите самую уютную обстановку для чтения? Самое уютное место?

Хотелось бы сказать, конечно, про каминный зад с видом на вишневый сад или там про уютное кожаное кресло. Но на самом деле самая уютная обстановка может быть любой – главное, чтобы все рабочие и

домашние дела были сделаны, дети сыты, ну и заварка чтобы была под рукой. Остальное несущественно.

Страница писателя: deti.spb.ru/writers_rus/a_id649

НИКОЛАЙ ПРОХОРОВИЧ КРЫЩУК

*писатель, живет в
Санкт-Петербурге*

 Была (есть ли) у вас книга-реликвия, которая передавалась или хранилась из поколения в поколение в вашей семье?

Родители мои родом из украинской деревни, в Ленинград приехали в конце тридцатых. Тут же началась Финская война, потом Отечественная. Блокада Ленинграда, которую мама пережила вместе с моими старшими братьями, оставив в безымянной могиле мою сестренку, которую я, родившийся после войны, видел только на фотографии.

Домашнюю библиотеку папа строил на моих глазах, каждый месяц тайно откладывая деньги из зарплаты и простаивая ночные очереди за подпиской на очередное собрание сочинений. Я был обычно первым читателем новеньких, потрескивающих при раскрытии томиков. Это было неслыханное богатство, которого у большинства моих сверстников не было.

Первый раз в библиотеку записался в классе восьмом — раньше не было нужды, все книги под рукой, больше тысячи, я думаю. Но в тот год мне понадобилось сделать сообщение о разгаданных и неразгаданных тайнах прежних цивилизаций, которые некоторые исследователи объясняли посещением земли инопланетянами. Таких книг в доме, да, не было, и я отправился в детскую публичную библиотеку на Фонтанке.

Сожалели ли вы о потере какой-либо книги? Если да, то какой?

Увы, книги часто зачитывались друзьями и знакомыми. Отсутствие их обнаруживалось обычно через какое-то время, когда книгу хотелось перечитать. Так, например, ни разу не перечитывал «Жизнь в искусстве» Станиславского. Жалею о пропаже маленькой книги Ханса Шерфига «Пруд». Датчанин в течение многих лет, включая годы войны, наблюдал жизнь обитателей пруда. В нашей ментальности силен опыт действия и мало опыта созерцания. Эта книга – потрясающее описание такого опыта. Будь он описан в книгах моего детства как достоинство и наслаждение, возможно, жизнь сложилась как-нибудь иначе.

Есть книги памятные. В советское время том Марины Цветаевой в Большой серии Библиотеки поэта купить было практически невозможно. Жена, еще до нашей женитьбы, подарила мне его на День рождения. На черном рынке он стоил тридцать рублей – больше половины ее тогдашней зарплаты. И вот я, спустя годы, по неосторожности отдал его актрисе для работы над радиоспектаклем. Актриса жила в Израиле и увезла томик с собой. До сих пор обидно, хотя сегодня книг Цветаевой у нас в библиотеке достаточно. Но есть просто книга, и есть дорогая для тебя книга, с любимым форматом, цветом обложки, запахом, шрифтом, сфотографированным памятью расположением текстов, пометками на полях. Не говорю уж о бесценности подарка. Посетители исключительно электронных библиотек меня вряд ли поймут. Вообще же из умыкнутых и потерянных книг можно было бы составить совсем неплохую, а то и особенную библиотечку. Хорошая тема.

Дарили ли вы книги? Дарили ли Вам книги? Кто дарил?

Книги дарил, конечно. Мы ведь выросли под горьковской, если не ошибаюсь, фразой: «Книга – лучший подарок». Книгу дарить легко и трудно. Первый принцип – она должна нравиться тебе, второй – она должна понравиться тому, кому даришь. Таким подарком лучше всего можно выразить любовь к человеку, понимание его душевного строя. Но можно и допустить опасную ошибку, способную привести к распаду отношений. Духи, шарф, торт или фотоаппарат, даже если они пришлись не по вкусу имениннику, к таким катастрофическим последствиям привести не могут.

Мне друзья и родные всегда дарили очень точные книги, определившие многие повороты в моей жизни. О подарке жены я уже ска-

зал. Помню, как на целине командир нашего студенческого отряда Саша Прутт подарил мне маленький томик Бориса Пастернака. Это была первая книга поэта после нескольких лет забвения. Такие книги намеренно рассылались подальше от столиц, где жил их главный читатель. Советская хитрость: книга нежелательного автора вроде бы издана, но в то же время ее нет. В магазине на Арбате ее было смешно и спрашивать, а в магазинчике Кокчетова покупатель равнодушно проходил мимо нее. Короче, мне тогда очень повезло: из всей нашей компании книга Пастернака была только у меня. А еще через два-три года мой друг, художник Юра Александров принес мне на День рождения какого-то невзрачного, болотного цвета сборник рассказов Исаака Бабеля. Книга была открытием и потрясением, и опять же я тогда первым из своих друзей познакомился с прозой Бабеля. Драгоценность этого подарка была тоже обусловлена хитростью советской власти. Потому что книга была издана не в Ленинграде и не в Москве, а в Кемерово. Но и оттуда она все же попала по назначению. И еще не могу не вспомнить роскошный альбом «Пушкинский Петербург». Его подарил мне отец. Не столько знал (я был скрытным), сколько угадал, что она мне необходима, и выложил за нее, не задумываясь, две трети своей зарплаты.

Потом пошла уже жизнь литературная, коллеги дарили свои книги. Сам я ни разу в жизни не попросил автографа у писателя. Это казалось мне не менее странным, чем собирать спичечные коробки или этикетки от иностранных ликеров. Другое дело, когда автограф является знаком приязни, следствием отношений, и особенно, если ты сам любишь этого писателя. Такими книгами с автографами Радия Погодина, Самуила Лурье, Александра Володина, Даниила Гранина, Александра Кушнера, Симона Соловейчика, Виктора Конецкого и многих еще близких мне литераторов и друзей я дорожу.

Изменяли ли вы сюжет, героев, включали ли себя в повествование?

Странный вопрос: изменял ли я сюжеты? Изменять сюжеты в чужих книгах вряд ли кому-нибудь под силу. Разве что мысленно подставлять счастливый конец. Никогда этим не занимался. А в собственных книгах изменял сюжеты бесконечно, поскольку сам их сочинял. Возможно, имеется ввиду, подвергался ли изменению уже замысленный сюжет? Да, конечно. Есть сочинители, которые придерживаются плана и, начиная роман, уже знают, чем он закончится. Это ни хорошо и ни плохо,

в каждой мастерской свои правила. Мне же оказалась близкой формула автора «Евгения Онегина», который, как мы помним, сквозь магический кристалл неясно различал даль свободного романа. Если герой вечером попадает в трудную ситуацию, а то и просто в капкан, утром, подходя к столу, я еще не знаю, каким способом он спасется. Азарт поиска и загадки возбуждает, кажется, не только мою фантазию, но и рождает эффект присутствия у читателя. Впрочем, об этом судить читателю.

При этом я уверен, что меньше всего человек знает себя. Сочинительство — как раз один из способов в себе разобраться. В каждом герое содержатся в той или иной мере авторские мысли, чувства, приязни, фобии, сны; герои собственно и развиваются, и движутся пружинами судьбы автора. Но при этом, ни один из героев не является автобиографичным. Писать автопортреты перед зеркалом удел живописцев. В литературе такая попытка письма с натуры сковывает воображение. О честности в этом случае говорить вообще не приходится. Только в вымысле человек безупречно правдив.

А может быть дело в том, что с детства мне нравились больше сказки, чем документальные книги. «Аладдин и волшебная лампа» была прочитана много раз, а знаменитую книгу «Кон-Тики» Тура Хейердала так, кажется, и не дочитал.

Какой книге, каким героям вы подражали? В каком возрасте, и каким книгам?

Моими героями были сами писатели, и подражал я не стилю их поведения, а стилю их книг. Эту пору ученичества проходит каждый литератор, даже если потом он в этом не признаётся. Ряд книг и произведений, которые служили образцом в разные годы, бесконечен. «Красное и черное», «Портрет Дориана Грея», «Мартин Иден», «Анна Каренина», «Подросток», «Маленький принц», «Игра в бисер», «Жизнь Арсеньева», «Архиерей», «Столп и утверждение истины», «Теофил Норт», «Голубая чашка», «Котлован». Всегда и по сей день «Капитанская дочка» и «Мертвые души».

Но и в детстве и в юности литературным героям я, кажется, не подражал. Сочувствовал Жюльену Сорелю, нравился гайдаровский Тимур, я плакал над участью Оловянного солдатика, был потрясен судьбой героя «Осуждение Паганини» и прикидывал на себя восторг и непосильное бремя гениальности, с пониманием откликался на любовную драму Онегина. Но не подражал, нет. Даже в долитературную пору, как все

почти подростки, соизмеряя свое одиночество с одиночеством опереточного мистера Икса, зная наизусть его знаменитую арию, все же не испытывал намерения стать циркачем или хотя бы надеть полумаску. Книги действуют как-то иначе. В первом классе мне подарили книгу сказок. Как водится: за примерное поведение и отличную учебу, что было сказочной ложью. Герой одной сказки посылает своего повзрослевшего сына зарабатывать деньги. Один и другой раз тот возвращается с деньгами, которые неизвестно где и как заработал. Отец бросает монеты в камин. Парень жалким взглядом смотрит на огонь, но не двигается с места. В третий раз отец проделывает тот же опыт. И тут сын бросается к камину и начинает выгребать из огня монеты. Отец улыбнулся: теперь вижу, что эти деньги ты заработал сам. Подражать тут, как вы понимаете, нечему. Но я понял, еще не умея формулировать, что человек борется за то, что ему дорого. И еще: всякая собственность — это овеществленное достоинство, которое хочется и нужно отстаивать.

Играли ли вы по книгам? С кем? По каким книгам? Когда?

В школьные годы, да в хорошей компании, воздух в которой переполнен желанием любви, равно как и предчувствием катастрофы, важен каждый намек, каждая угадка. Мы жадно ловим их и даже сами себе организуем. В эту пору гадание по книгам доставляет острое наслаждение. Гадать можно было даже по учебникам, но чаще гадали по книгам, которые проходили на уроке или которую кто-то принес из дома. Здесь всякая строка била в точку, вызывала волнение и дрожь. Какому-нибудь Диме Иванову выпадает фраза: «*Alea jacta est. «Жребий брошен»*, нет пути назад, все мосты сожжены». И что ему за дело, что речь идет о Юлии Цезаре, которому предстояло перейти Рубикон? Сам он вчера только послал туманный намек любимой девушке, она потребовала объяснений, а он струсил. Значит — сейчас прямо к ней! Объясниться! Пути назад нет. Жребий брошен. Книга сказала.

Были ли у вас практики тайного чтения? Какие?

Тайное чтение, как и всё, что связано с тайной, привилегия детства. Ситуации бывали разные. Например, помню себя, лет, может быть, девяти, за чтением «Илиады». Был ли я действительно увлечен? Или мне представлялась картина, как родители застанут меня врасплох за чтением именно этой взрослой, непонятной книги? В детстве мы особен-

но усердно и искусно лицедействуем. Может быть, Сартр описал в книге «Слова» не только свой, но и мой случай? Он рассказывает, как до обморока листал на глазах у домочадцев книги, зная, что взрослым это нравится. И дальше: «Выходит, я Нарцисс? Нет, даже и не Нарцисс. Всецело поглощенный тем, чтобы пленять окружающих, я забываю о себе... Мои деяния приобретают цену в моих глазах не раньше, чем хоть один из взрослых придет от них в восторг. К счастью, в рукоплексках недостатка нет. Слушают ли они мою болтовню или фути Баха — на губах у взрослых та же многозначительная улыбка гурманов и соучастников. А стало быть, по сути своей я — культурная ценность».

Но это еще не тайна, а игра в тайну. Хотя родители не особенно следили за кругом моего чтения, тома «Тысяча и одна ночи» все же добывались с полки, когда никого дома не было. Также тайно читал Мопассана, и не только его эротические рассказы, но и, например, философское эссе «На воде». Тогда же познакомился с Ницше. Много ли я в этих книгах понимал? Не думаю. Но каждая книга отложилась в памяти сильной драматической сценой или мелодией, причудливым образом, необычной интонацией, мыслью, которая осталась дозревать в душе.

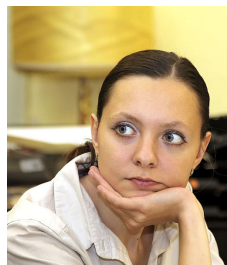

Опишите самую уютную обстановку для чтения? Самое уютное место?

В кресле под светом торшера, на диване, за письменным столом, в трамвае и маршрутке, в поезде, в саду и на пляже, даже на кухне во время сериала, где развитие сюжета угадывается больше, чем на два хода. Везде читать уютно, если автор заложил в книгу хороший магнит.

Страница писателя: deti.spb.ru/writers_rus/a_id348

ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА ЛИСОВА (ПАВЛОВА)

*писатель, живет в
Санкт-Петербурге*

 Была (есть ли) у вас книга-реликвия, которая передавалась или хранилась из поколения в поколение в вашей семье?

В нашей семье, к сожалению, не было каких-то книг реликвий, да и я оказалась всего второй в читающем поколении нашей семьи. Бабушка и дед – крестьянские дети голодного военного времени. Они немного умели писать, немного читать, но для того, чтобы стать настоящими читателями и полюбить книги, их знаний не хватало. Для своих детей – моей мамы и тетки – бабушка книги покупала, выписывала журналы и газеты: «Мурзилка», «Пионер», «Костер». Вот их, я бы назвала утраченными реликвиями нашей семьи.

В уже довольно сознательном возрасте я нашла на чердаке бабушкиного дома подшивки старых журналов, спустила их, и тогда у меня началось удивительное лето. Я с упоением читала повести и рассказы, напечатанные на страницах «Пионера». Первые публикации Владислава Крапивина, повесть Вильяма Козлова «Ты еще вернешься, Тришка» и еще много чудесных текстов.

О потере этих журналов сожалею до сих пор. Не смотря на мою просьбу сохранить подшивки, бабушка зимой пустила их на растопку печи. Для нее книги и журналы не представляли такой ценности как для меня.

 Дарили ли вы книги? Дарили ли Вам книги? Кто дарил?

Книги дарила мне моя мама. Она, удивительное дело, выросла очень читающим ребенком в не читающей семье. Когда родилась я, для меня стали собирать детскую библиотеку. Позже книга в нашей семье стала важным подарком. На день рождения, Новый год она обязательно была или основным подарком или частью него. Причем не только от родителей, но и от знакомых, друзей. Перестали мне их дарить, когда я уже выросла и сама могла покупать себе книги для чтения. Ситуация поменялась, и теперь я привожу в подарок маме книги знакомых, друзей и, конечно же, свои книги.

 Изменяли ли вы сюжет, героев, включали ли себя в повествование? Какой книге, каким героям вы подражали? В каком возрасте, и каким книгам?

Удивительное открытие, что с сюжетом книги можно играть, пришло ко мне в пятом классе. Я тогда увлеклась историей древнего мира. И мама, чтобы как то поддержать мое увлечение, посоветовала мне книгу Николаса Уайзмэна «Фабриола, или Церковь в катакомбах» — повесть из жизни первых христиан. Сначала я просто переделывала сюжет, пытаюсь спасти героев от страшной мученической гибели. Затем я представила себя на месте самой Фабриолы и стала играть в дочь римского патриция. Путешествие в мир Древнего Рима так меня увлекло, что я уже не смогла остановиться. Книги стали для меня своеобразным временным порталом. Я проваливалась через них в Древнюю Грецию, Египет, Ассирию. Я успела подружиться с Александром Македонским, очень сочувствовала Алкамену — театральному мальчику*, побывала на краю Ойкумены*. А потом в небольшой детской библиотеке военного городка закончились книги на интересующую меня тему. Мне стали доставать учебники из хранилища, чтобы как-то поддержать мой интерес. Но это было уже не то. Каменный век и Средневековье так меня уже не захватили. Совсем читать я, конечно, не перестала. Но такого яркого переживания от чтения я больше не получала никогда в жизни.

 Играли ли вы по книгам? С кем? По каким книгам? Когда?

Игры по книгам меня никогда не привлекали. Мне казалось, что это ложь (возможно, как раз из-за столь яркого погружения себя в сюжет прочитанных книг, которое случилось со мной в пятом классе).

Были ли у вас практики тайного чтения? Какие?

Практик тайного чтения у меня не было. Мне не запрещали брать книги даже с родительских полок, даже те, что были несколько фривольного содержания. Помню, как я впервые столкнулась со сценами сексуального характера в книге. Кажется, это был «Любовник леди Чаттерлей»*. Пошла к маме выяснять что ЭТО! делает у нас на книжной полке. Но мама как-то спокойно мне все объяснила. Правда, роман я так и не дочитала. Но не из-за постельных сцен. Просто мне стало скучно.

По ночам читать мне тоже не приходилось. У меня всегда было достаточно времени, чтобы читать перед сном и засыпать с книгой в руках.

Опишите самую уютную обстановку для чтения? Самое уютное место?

Честно говоря, мне не так важно место для чтения, как важен текст и то, как легко я могу в него погрузиться. Если мир, созданный автором, меня впускает, то даже самый жесткий стул станет лучше самого удобного дивана на свете. Но есть самое незабываемое место. Оно тоже из детства.

Однажды летом в малиннике в бабушкином огороде я устроила себе «будку». Притащила туда старенькое кресло, оборудовала из досок стол. Там я могла сидеть часами. Есть ягоды прямо с куста, греться на солнышке и читать.

Страница писателя: deti.spb.ru/writers_rus/a_id647

СЕРГЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ МАХОТИН

*писатель, поэт, живет в
Санкт-Петербурге*

 Была (есть ли) у вас книга-реликвия, которая передавалась или хранилась из поколения в поколение в вашей семье?

Книга – реликвия? Нет, такой не было. Ну, разве что «Книга о вкусной и здоровой пище», картинки из которой так аппетитно было разглядывать. Особенно сосиски с горошком. Кстати, моя последняя книжка называется «Пирожки с капустой, или Книга о вкусной и весёлой пище». Некий элемент пародии тут присутствует.

 Сожалели ли вы о потере какой-либо книги? Если да, то какой?

Куда-то пропала «Детское время» – одна из любимых книг Михаила Яснова – очень жалею!

 Дарили ли вы книги? Дарили ли Вам книги? Кто дарил?

Конечно, дарил, много раз. Со своими автографами. И мне тоже дарили. И тоже с автографами. Этими книгами я друзей очень горжусь.

 Изменяли ли вы сюжет, героев, включали ли себя в повествование?

Сюжет очень часто расходится с первоначальным замыслом. С этим многие мои коллеги согласятся. В какой-то момент перестает слушаться автора и ведет себя как вздумается. Остается только наблюдать за ним и гадать, что он учудит на следующей странице.

Какой книге, каким героям вы подражали? В каком возрасте, и каким книгам?

Подражание книжному герою – дело естественное. Часто ты этого сам не осознаешь. Но герои Дюма побуждают тебя быть храбрым, герои Жюль Верна заставляют мечтать о дальних странствиях. Герои Аксёнова ощутить горьковатый вкус самоиронии. Подражать любимому герою полезно. Особенно в юном возрасте.

Играли ли вы по книгам? С кем? По каким книгам? Когда?

Если и играл, то лишь с шахматными учебниками.

Были ли у вас практики тайного чтения? Какие?

Немного сочувствую сегодняшним ребятам. Современная школьная мебель лишает их возможности спрятать книгу под партой. А ведь какой захватывающий риск дочитывать на уроке книгу, которую нужно сегодня же вернуть!

Да и после школы. В институте тайное чтение продолжалось. Солженицын, Бродский, даже Бунин и Гумилев были под запретом. Вот и сейчас некоторые книги стали запрещать. Государство страшится честных писателей. А вы их не бойтесь!

Опишите самую уютную обстановку для чтения? Самое уютное место?

Кресло и торшер – и ничего больше не надо. Впрочем, жесткое сиденье электрички – тоже отличное место.

Страница писателя: deti.spb.ru/writers_rus/a_id118

ЕКАТЕРИНА ВАДИМОВНА МУРАШОВА

писатель, живет в
Санкт-Петербурге

 Была (есть ли) у вас книга-реликвия, которая передавалась или хранилась из поколения в поколение в вашей семье?

Отдельной книги-реликвии не было. Была довольно большая библиотека классики и книга-лечебник из 19 века, которой реально пользовалась моя бабушка.

 Сожалели ли вы о потере какой-либо книги? Если да, то какой?

Своих книг никогда не теряла. Однажды потеряла книгу из библиотеки, жутко расстраивалась, казалась сама себе преступницей.

 Дарили ли вы книги? Дарили ли Вам книги? Кто дарил?

Дарила очень много. И мне дарили. Книга считалась ценным подарком. Еще книги вечно вручали на пионерских и комсомольских собраниях в качестве наград.

 Изменяли ли вы сюжет, героев, включали ли себя в повествование?

Чужие сюжеты меняла очень редко. С приятельницей писала продолжение «Тихого Дона». Себя в повествование не включала, придумывала для себя отдельные сюжеты.

Какой книге, каким героям вы подражали? В каком возрасте, и каким книгам? Играли ли вы по книгам? С кем? По каким книгам? Когда?

Когда начала писать, отчетливо подражала Паустовскому. По книгам не играла (или не помню), но точно играла по фильмам. Из героев подражала Маугли, может быть, немного – осеевской Динке.

Были ли у вас практики тайного чтения? Какие?

Не знаю, можно ли считать тайным чтением – под пальмой в читальном зале детской районной библиотеки. Бабушка запрещала мне дома много читать, и я туда сбегала. Бабушка туда звонила и просила библиотекарей гнать меня домой.

Опишите самую уютную обстановку для чтения? Самое уютное место?

Старая ива над речкой рядом с Ленинградским зоопарком. Там все было огорожено, и меня никто не трогал.

Страница писателя: deti.spb.ru/writers_rus/a_id127

АНАСТАСИЯ (АСЯ) ДМИТРИЕВНА ПЕТРОВА

прозаик, переводчик, живет в Санкт-Петербурге

 Была (есть ли) у вас книга-реликвия, которая передавалась или хранилась из поколения в поколение в вашей семье?

Есть такая книга. Это любимый мною роман М. де Сервантеса «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский». Потрясающее издание 1892 года досталось от прадедушки.

 Сожалели ли вы о потере какой-либо книги? Если да, то какой?

Да. У моих родителей была замечательная антология немецкой поэзии XVIII века крохотного формата. Когда мне было пять лет, я была уверена, что книжка такая маленькая, потому что её уменьшили волшебники. Я всё время её за собой носила и прятала – надеялась расколдовать. В результате потеряла.

 Дарили ли вы книги? Дарили ли Вам книги? Кто дарил?

Мне всю жизнь дарили самые разные книги (художественные, на иностранных языках, энциклопедии) друзья и учителя. Мама с папой тоже, конечно.

 Изменяли ли вы сюжет, героев, включали ли себя в повествование?

Нет, сюжеты и героев я не изменяла, но после прочтения понравившейся книги долгое время подражала какому-нибудь персонажу.

 Какой книге, каким героям вы подражали? В каком возрасте?

Я постоянно подражала героям, которые мне нравились. То Мэри Поппинс*, то Калле Блумквисту, то Чёрвен*, то Ане из Зелёных Мезонинов, то Джейн Эйр... Всех и не упомнишь.

 Играли ли вы по книгам? С кем? По каким книгам? Когда?

Я очень хорошо помню, как в возрасте лет двенадцати заставила компанию друзей на даче играть в «Войну Алой и Белой розы», подражая героям «Приключений Калле Блумквиста» Астрид Линдгрэн.

 Были ли у вас практики тайного чтения? Какие?

Тайных практик у меня не было, родители разрешали брать и читать любые книги когда угодно, так что в тайнах не было смысла.

 опишите самую уютную обстановку для чтения? Самое уютное место?

В детстве и в подростковом возрасте здорово было читать на даче на крыльце нашей бани. Оттуда меня было никому не видно, потому что с одной стороны меня закрывала сама баня, а с другой – ёлки. Мне нравилось быть уверенной в том, что за мной никто не наблюдает. Когда я читаю, я невольно часто гримасничаю (за этим меня нередко заставляли и даже незаметно фотографировали), смеюсь, могу слезу пустить. Момент чтения в каком-то смысле очень интимный, он связан с личными переживаниями, так что читать мне всегда нравилось в укромном месте. Если нет крыльца бани – просто за закрытой дверью.

Страница писателя: deti.spb.ru/writers_rus/a_id617

АННА АЛЕКСАНДРОВНА РЕМЕЗ

прозаик, живет в
Санкт-Петербурге

 Была (есть ли) у вас книга-реликвия, которая передавалась или хранилась из поколения в поколение в вашей семье?

Хочется верить, что этой традиции в нашей семье положила начало я. Свои детские книги я сохранила, теперь их читает моя дочь. Жемчужиной коллекции является «Красная шапочка» в оформлении Булатова и Васильева, жестоко изрисованная двухлетней Аней Ремез. С особым трепетом отношусь к «Матрёшкам» Валентина Берестова и «Крошке Вилли-Винки» Ирины Токмаковой. Храню книжку-раскладушку Маршака «Глупый мышонок» — одну из первых своих книг, её же читала своей дочке, когда она была совсем маленькой.

 Сожалели ли вы о потере какой-либо книги? Если да, то какой?

Жаль, что утратили книгу Николая Радлова «Рассказы в картинках». Её переиздали, но в новом варианте нет текстов под картинками, коротких стихов, а мне очень хочется их вспомнить. А ещё мы с мужем два раза были в Стамбуле, и умудрились в обе поездки потерять там прекрасные путеводители, какой-то злой рок прямо.

 Дарили ли вы книги? Дарили ли Вам книги? Кто дарил

В моём детстве книга считалась очень хорошим и ценным подарком, книги было трудно достать. Мой отец Александр Ремез, тоже писатель, всегда присылал мне книги из Москвы (мы жили отдельно), и обязательно делал на каждой подпись с кратким пожеланием или объяснением —

для чего мне эта книга. Так появились у меня «Сказки дядюшки Римуса», двухтомник Шекспира, Майн Рид, и ещё книги про Ань — «Анечка-невеличка и соломенный Губерт», «Анечка из 1 «а», «Аня в стране чудес». Сейчас книги мне дарят друзья-писатели. Я тоже, конечно, дарю. Обычно подруги пишут в «списке желаний», какую книгу хотели бы получить на день рождения, это очень удобно. Собственные книги дарю тоже, но редко, и если понимаю, что она действительно будет интересна и нужна конкретному человеку.

 Играли ли вы по книгам? С кем? По каким книгам? Когда?

В подростковом возрасте я была без ума от книг Александра Дюма. Началась эта любовь, конечно, с нашего фильма «Д'Артаньян и три мушкетёра», потом стала читать запоем все книги Дюма, которые могла найти. И вот мы с подругами решили, кто кем будет из мушкетёров. Я всегда хотела быть Атосом, он мне нравился больше всех. Играли мы, в основном, цитируя героев фильма, но помню, что я приносила в школу книгу «Королева Марго», читала подругам, и мы тоже распределяли персонажей. Ругались, например, словами «Дьявольщина!» и «Тысяча чертей!». Придумывали, что наши «враги» из недружественной компании — это отрицательные герои Дюма.

Страница писателя: deti.spb.ru/writers_rus/a_id636

ЕВГЕНИЙ ВСЕВОЛОДОВИЧ РУДАШЕВСКИЙ

писатель, живет в Москве

 Сожалели ли вы о потере какой-либо книги? Если да, то какой?

Я всегда протестовал против трепетного обращения с книгой. Если она не была библиотечной, я делал отметки на полях, записывал своё возмущение или просто комментировал происходящее. Даже выработал систему сокращений: от простого «Sic» до путаного «FDubNB», что означало «забавный, но не то чтобы очень интересный эпизод, на который нужно обратить внимание». Впоследствии я использовал эти пометки, когда заново пролистывал книгу. Однако даже с такими, размеченными книгами я расставался легко. Никогда не понимал книжный фетишизм и часто ругался из-за этого с родственниками (потом во всю отыгрывался на школьных учебниках).

Впрочем, есть у меня две книги, которые я бы не хотел терять. В-первых, это «Уроки французского». Её мне в 2006 году подписал Валентин Распутин, когда я показал ему один из своих ранних рассказов. Фраза «Искренне, с надеждой (со временем) на ответную книгу» меня вдохновляла и мотивировала. Так уж получилось, что Валентин Григорьевич ушёл от нас за полгода до того, как была опубликована моя первая книга «Здравствуй, брат мой Бзоу».

Во-вторых, это книга Не кричи: «Волки», с которой началась моя любовь к Фарли Моуэту. Это тоненькая, растрёпанная книга в мягкой обложке. В ней я храню письма от Фарли, которые получил за годы нашей переписки.

 Дарили ли Вам книги? Кто дарил?

Книги мне часто дарили на день рождения, но я всегда считал это самым неудачным подарком. Во-первых, я предпочитал новый походный рюкзак или хорошие вратарские перчатки. Во-вторых, подаренные книги я открывал редко. Читать старался только то, что от меня прятали под предлогом «ты ещё маленький для такой темы». Так в четырнадцать лет я познакомился с Францем Кафкой, Жоржем Санд и Иваном Ефремовым.

 Изменяли ли вы сюжет, героев, включали ли себя в повествование?

Мне было интереснее придумать свой собственный сюжет и своих героев. Начитавшись Фенимора Купера и Майн Рида, я начинал писать большие романы об индейцах, однако всякий раз ограничивался двумя-тремя главами, остальную историю рассказывал дедушке или же сам себе, перед сном. Одной истории хватало на несколько недель — каждый день я придумывал разные концовки и повороты.

Не помню, включал ли я себя в чужое повествование. Кажется, мне всегда нравилась именно позиция стороннего наблюдателя.

 Какой книге, каким героям вы подражали? В каком возрасте, и каким книгам?

В 12 лет мне было не до книг. Закончился Чемпионат мира по футболу во Франции, и я читал только подписи к футбольным наклейкам и к постерам с Зинедином Зиданом.

В 13 лет я мечтал отстреливать краснокожих, как это делал Натаниэль Бампо из романов Фенимора Купера. Если под ногой не было футбольного мяча, любая палка срочно превращалась в настоящее ружьё, а дворовый тальник — в леса, кишашие ирокезами.

В 14 лет мне хотелось быть таким же одиноким и блуждающим в фантазмагориях окружающего мира, как К. из «Замка» Кафки. Я сохранил в себе К. на долгие годы.

В 15 лет я везде ходил с гайками и привязанными к ним полосками бинта, как Рэдрик Шухарт из «Пикника на обочине» Стругацких. Обязательно прощупывал дорогу — бросал гайки, чтобы проверить, нет ли там ловушек. Больше всего боялся угодить в «ведьмин студень». Как ни

странно, эта игра изменила меня на всю жизнь. В походах, да и в простых прогулках по городу я придерживаюсь сталкеровского правила: «Никогда возвращаться тем путём, по которому пришёл. Ищи другие дороги».

В 16 лет я познакомился с Маркесом. Это был большой период полковника Аурелиана Буэндия. У меня даже были свои рыбки. Не золотые, конечно, — латунные.

Были ли у вас практики тайного чтения? Какие?

Я тайком читал всё, что было запрещено. К счастью, мне запрещали только хорошие книги. Двухтомник Кафки стоял на верхней полке домашней библиотеки. Узнав, что мне рано читать этого автора, я в первую же ночь забрал его к себе в кровать. Читал с фонариком под одеялом. Утром книгу нашла бабушка. Был скандал, после которого книгу спрятали. Я её отыскал, но понимал, что читать в открытую не смогу. На помощь пришёл домашний ксерокс. Я делал копии двадцати-тридцати страниц, а книжку возвращал в ящик, куда её от меня спрятали. Копии читал ночью в кровати или же в ванной — смачивал листы, приклеивал на стенку и читал. Пока не закончил «Замок», «мылся» три раза в день минут по 20, чем порядком напугал своих родственников. Они, конечно, и не догадывались, чем я там занимаюсь.

Так же тайком приходилось читать мистические работы Карлоса Кастанеды. Мне было уже 16 лет, и я обходился без ванной комнаты — читал на уроках, подложив «Учение дона Хуана» под учебник. Книгами Кастанеды я в тайне делился со своим одноклассником — в библиотеке ему отказывались их выдавать, а родители и думать не хотели о том, что покупать «такое мракобесие».

В остальном тайного чтения не было, так как я вообще мало читал в детстве и юношестве. Меня тогда занимали совсем другие «тайны».

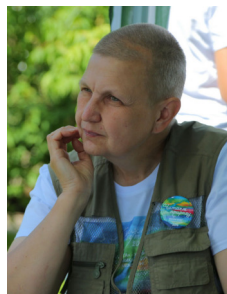
Опишите самую уютную обстановку для чтения? Самое уютное место?

Нет ничего удобнее и уютнее моего дивана. Я полулежу на подушке, с боку меня подпирает кошка Кима, в ногах ютится кот Фарли. Торшер хорошо освещает книгу и разбросанные рядом блокноты. Чтение — это всегда работа. Нужно выписывать новые слова, любопытные приёмы,

события и факты, о которых потом хочется прочитать подробнее. За окном шумит дождь, а мне тепло под пледом. И на подлокотнике стоит зелёный чай с имбирём.

Страница писателя: deti.spb.ru/writers_rus/a_id895

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА СЕМЁНОВА

*писатель, живет в
Санкт-Петербурге*

 Была (есть ли) у вас книга-реликвия, которая передавалась или хранилась из поколения в поколение в вашей семье?

Нет, к сожалению. Советская эпоха для моей семьи ознаменовалась мясорубкой лагерей, ссылок и оккупации. Да и происхождение предков самое рабоче-крестьянское... Так что старинных книг унаследовать не довелось. Чудом сохранилась книга Сетон-Томпсона «Животные-герои», которой мою маму наградили в школе ещё в 30-е годы. Есть книжки, по которым уже я когда-то училась читать, которые с родителями читала. Разве что их реликвиями считать...

 Сожалели ли вы о потере какой-либо книги? Если да, то какой?

Нет, таких потерь не было. Естественно, какие-то книги бывали «зачитаны», например, К. Лоренц «Человек находит друга». В советское время потеря казалась невозможной. Позже удалось раздобыть другой экземпляр.

 Дарили ли вы книги? Дарили ли Вам книги? Кто дарил?

Дарила, конечно, и дарю. В основном свои авторские. Близким друзьям, людям, чьё мнение о «новом достижении» мне интересно... Ну и мне дарят иногда, примерно на таких же основаниях.

С книжными подарками такой анекдот был. В школе я регулярно выигрывала олимпиады по английскому языку. Школьная администрация меня с той же регулярностью премировала книгой Хемингуэя «Прощай, оружие» (советское издание). Штуки четыре дома лежат. С одинаковыми надписями, только номер класса меняется...

 Изменяли ли вы сюжет, героев, включали ли себя в повествование?

А как же! Любимое занятие было. Если в книге что-то происходило не так, как мне хотелось (благородный Оцеола гибнет в финале...), я, что называется, «была уже там» и действовала всюю! Даже писать что-то пыталась...

 Какой книге, каким героям вы подражали? В каком возрасте, и каким книгам?

Прямого подражания героям не было. Сейчас, кажется, это называется ролевыми и костюмированными играми (костплеями). Таким, если не считать детских игр в индейцев, – не занималась. А вот включиться в антураж, встроиться в логику, в нервную ткань происходящего и свой сюжет выстроить – сплошь и рядом!

 Играли ли вы по книгам? С кем? По каким книгам? Когда?

Нет, конкретно по книгам не играла, в смысле, не отождествлялась с героем/героиней, чтобы его/ее переживания прожить. Меня как-то больше интересовало в тех же декорациях свой сюжет устроить. Потом начала выяснять, на чём, собственно, стояли те декорации. Наверно, это первые шаги намечались к своему творчеству...

 Были ли у вас практики тайного чтения? Какие?

А как же! Под одеялом, с фонариком...

Ну и позже приходилось почти тайком от родителей читать о викингах и славянах. Они этого занятия не одобряли и очень расстраивались,

застукав меня с историческим трактатом вместо книги по автоматическому регулированию. Приходилось спасаться от проработок.

А вот в школе на эту тему опять же анекдот был. Учителя английского в старших классах отчаялись мне грамматику из учебника в голову вбить и... официально разрешили на своих уроках под партой посторонние английские книги читать. Чем я с большим удовольствием и занималась.

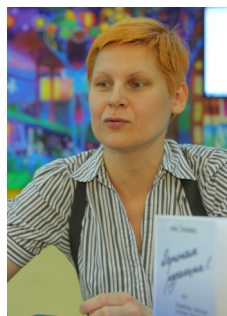
Опишите самую уютную обстановку для чтения? Самое уютное место?

Вот это никогда значения не имело. Если книга жгуче интересна — хоть в транспортной давке, хоть в туалете, хоть вообще вверх ногами... Правда, читаю я книги в основном познавательные, а не художественные. Если материал важен для меня, и обстановка, и вид носителя безразличны.

Между прочим, за чтение художественной книги в неподходящем месте я разок поплатилась. В 70-е в студенчестве прибыв на производственную практику, пришлось несколько часов ждать начальства на почти 30-градусном холоду. А я как раз получила в библиотеке (отстояв очередь!) только что вышедший «Аэропорт» Хейли (на английском). Вот я там, на морозе, его и читала... забывая даже топтаться. В итоге заработала что-то вроде воспаления лицевого нерва, несколько дней боль в половине лица можно было терпеть только под «синим светом». Так я, прикрыв ладонью один глаз... вторым продолжала Хейли читать!!! Не могла оторваться...

Страница писателя: deti.spb.ru/writers_rus/a_id162

ЕЛЕНА ФЕДОРОВНА СОКОВЕНИНА

*писатель, издатель, живет в Риге
(Латвия)*

Была (есть ли) у вас книга-реликвия, которая передавалась или хранилась из поколения в поколение в вашей семье?

У нас в доме есть книги-реликвии. От бабушки. Бабушке покупали в детстве большие, красивые сборники сказок и историй. Я прямо руками помню эти здоровенные обложки из мягкого картона, желтоватые, разваливающиеся страницы (чего только они только не пережили! где только не лежали!) и эту папиросную бумагу, прикрывавшую иллюстрации. Сами картинки — очень подробные, настоящие. Нет, это не была «высокая литература», даже, вероятно, наоборот. Там, например, был рассказ «Морской змей». Как я помню этого змея в волнах — чёрного, с огненной гривой! И пароход «Новая Каледония» — а в книге-то старая орфография! Но я почти сразу перестала её бояться и быстро освоилась со всеми этими «ять» и і. Все бабушкины книги были в старой орфографии.

Названия сказочного сборника я даже не помню, помню любимую сказку: «Джек — победитель великанов». Папа читал мне её на ночь — каждый вечер. Он бы с удовольствием другое читал, но я просила. Очень мне характер Джека нравился — бесстрашный, неунывающий, хотя, кажется, и оснований-то веселиться у него не было вообще.

Ещё был «Дневник проказника». Это сейчас, переиздав книгу уже в собственном издательстве, я знаю, какая она смешная. А в детстве жизнь бедного Жоржи — своего ровесника, которого вечно наказывают, казалась мне прямо трагической, я ему очень сопереживала. Это был мой такой друг в тяжёлую минуту.

Ну, и «Пятнадцатилетний капитан» — тоже старое издание с гравюрами и папиросной бумагой. Удивительное ощущение, когда видишь эту полупрозрачную бумагу, ещё не знаешь, что там — и вот перед тобой иллюстрация, а под ней — подпись! Под картинкой строчка из текста — ага, значит, место важное. Нужно на него особое внимание обратить. Гравюры казались мне страшноватыми, лица детей — стариковскими, но это не мешало. Я догадалась, что художник нарисовал, как смог, а вообще-то имел в виду другое. У меня ведь, когда я рисую, тоже так! Хотя выражения лиц — правда. Жизнь была другой и люди были другими. Особенно дети. Мне и сейчас нравится, что на старых картинках у них взрослое выражение лица.

Наверное, от тех книг и образовалось такое чувство настоящей жизни — сколь себя помню, его ищу.

Ещё книга-реликвия от папы. «Приключения Тома Сойера и Гекльберри Финна» он мне прямо вручил. Мне исполнилось тринадцать и он решил, что пора передавать эстафету. У него самого старое издание не сохранилось, купил специально — заранее. папина эстафета удалась — всю жизнь люблю эту книгу. Там, кстати, много продолжений, о которых я узнала уже взрослой — и только тогда поняла, до какой степени недетскую книгу написал Марк Твен.

Ещё были тонкие книжки «Аэлита», «Гиперболоид инженера Гарина», «Дворянское гнездо», «Три дня из жизни одной женщины». Тоже реликвии. Тургенев не показался мне скучным — я его сама нашла, сама исследовала. «Три дня» — тоже сама. Мне не были нужны никакие разговоры «об этом» или о том, или вообще о страстях. Я видела, понимала, чувствовала. Что не понимала — старалась запомнить. Видела, что вот здесь автор героине сочувствует — а почему? Надо обдумать, раз у меня другое мнение. А вот здесь ей надо быстро всё бросать — видно же, что добром не кончится! — а она что? эх, кто так делает! я так никогда не буду.

Родителям в голову не приходило, что можно не дать ребёнку книгу. Раз человек читает — значит, ему нужно. Какая разница, сколько ему лет? Будет непонятно или покажется, что что-то не то — придёт и спросит. Ну, и отлично, поговорим.

Сожалели ли вы о потере какой-либо книги? Если да, то какой?

Почти все мои книги-реликвии – кроме «Пятнадцатилетнего капитана» я подарила. Подруге. Никак она не понимала моего интереса к чтению – дикий человек! Но настоящий друг. Я решила, что ей просто хороших книг не дают, вот она читать и не любит. Подарок подруга не оценила, книги сгнули во время переезда, больше я их нигде не нашла, о чём очень жалею. Единственная, которую удалось восстановить – то самое издание «Тома Сойера», добытое мною несколько лет назад на рынке в Ростове – я туда ездила на встречу с читателями. Правда, сейчас что-то не могу его найти. Сын всё отрицает. Похоже, у нас семейная традиция.

Дарили ли Вам книги? Кто дарил?

Лет в одиннадцать я очень искала книгу Николая Смирнова «Джек Восьмёркин – американец». После фильма, конечно. Прочла в титрах, что есть книга, услышала от кого-то, что там многое по-другому – и началось. Интернета тогда не было, я использовала все библиотеки до которых смогла дотянуться – бесполезно. Это была идея фикс, о ней все знали, на меня смотрели, как на безумную, но я дала себе слово, что не отступлюсь.

К моему пятнадцатилетию школьная подруга (это была другая школа и другая подруга) всё-таки добыла для меня эту книгу. Пошла в Елгавскую библиотеку – и нашла. Правда, её нужно было возвращать, но всё равно это был подарок – и какой! Книгу продлевали четырежды – пока было можно. Ну, а потом, уже взрослой, я её добыла у букиниста. Я и сейчас её перечитываю. Каждый раз вижу другую книгу. Если в детстве мне нравился герой, то, как он уживается с обществом, то сейчас выплыл другой слой – его занятия коммерцией. Те, кто смотрели фильм, будут смеяться, а на самом деле эту книгу очень любят анализировать маркетологи. И я читаю её так. Сначала вместе с героем попереживать за свою трудную жизнь. Тут я вздыхаю и охаю: вот как трудно человеку, когда он хоть немного отличается от других! Потом: вот это и это у меня так же было, ничего не вышло. О, а ведь мы в одинаковой ситуации! И вот здесь совпадает. А вот там у меня лучше получилось, потому что – ну, я же книгу читала. А этого герой не знал, не мог знать. И если бы... ну, и так далее. Полезное занятие – перечитывать то, что ты любил в детстве.

Вообще мне много дарили книги. Начали эту традицию папа с дядей, а потом взрослые подхватили — знали, что буду рада. Правда, таким путём у меня образовалось очень много одинаковых книг. Только «Детей капитана Гранта» штук семь — приют. «Таинственного острова» — пять. Или шесть. «Двадцать тысяч лье под водой» — боюсь, как бы не дюжина. Зато смешно. Смешно ведь? Берегу.

Изменяли ли вы сюжет, героев, включали ли себя в повествование?

Героев «Джека Восьмёркина» я долго носила в сердце. Не люблю пафос, но именно так. Понимаете, линия дружбы — она в фильме и книге одинаковая — чертовски важна в этой книге. Она и в жизни очень важна. И я, во-первых, тоже мечтала иметь такого друга, а во-вторых, всё время вертела: а если бы обстоятельства сложились так? Или так? герои там пытаются заработать сельским трудом. Мне, само собой, скучно. Может, если им другое занятие попробовать? Героиня — в книге есть героиня, она не такая, как в фильме и очень мне не нравится — должна быть другой, это же ясно! Но когда я начала писать свой роман — клянусь, твёрдо верила, что никаких девушек и никаких любовей не будет вообще. Семья у героев, может, будет, но я писать об этом не хочу. Хочу о другом. Роман приключенческий, любовная линия, как я думала, верная дорога к одинаково скучному финалу, и появление героини — ночью, на пыльной дороге где-то между Сан-Диего и Мексикой, было для меня такой же неожиданностью, как для самих героев.

Но эти двое не только «Джек Восьмёркин». Это Том Сойер с коллегой Гекльберри Финном. Это Генри и Фрэнсис Морганы из лондонского «Сердца трёх». Это благородные жулики Джефф Питерс и Энди Таккер О. Генри. Это, в конечном итоге, тот же «Джек — победитель великанов», только он нашёл, то, чего ему не хватало для счастья.

Какой книге, каким героям вы подражали? В каком возрасте, и каким книгам?

Каким героям я подражаю? Да я всю жизнь Гек Финн. О том, что мне нужны приключения думаю с трех лет. Уверена, что книга и должна была попасть ко мне. И что автор писал для меня. И что вообще автор всегда пишет для таких же, как он сам. Это, если хотите, практика тайного чтения. Читаешь — и видишь: есть! свои. Те, кто с тобой одной крови.

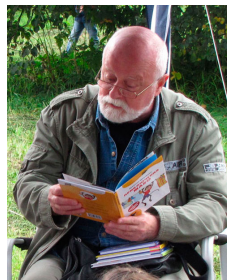

Опишите самую уютную обстановку для чтения? Самое уютное место?

Я люблю читать за едой. В кровати. В одном секретном кабинете. На ходу — если хорошо знаю местность, могу так и передвигаться. В поезде или самолёте. Это всё мне очень нравится. Не нравится в автобусе читать. Укачивает.

Страница писателя: deti.spb.ru/writers_rus/a_id721

АЛЕКСЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ ШЕВЧЕНКО

*писатель, живет в
Санкт-Петербурге*

Дорогие коллеги, Ваши вопросы для меня — это возможность вернуться в детство. Возвращение получается радостным и тревожным. Радостным потому, что книги открывали для меня мир во всём его многообразии, тревожным и грустным потому, что сейчас со мной нет многих книг, тех, что были настоящими друзьями детства — они всегда были рядом!

Кто-то скажет: «Пойди, да купи у букинистов — верни своё детство!», но как это ни странно, для меня это будут другие книги: обложки, тексты, иллюстрации те же самые, они подарят воспоминания, но в них не будет незримого тепла от прикосновений моих близких, тепла общения с ними. «Но ты же писатель — включи воображение!», а вот именно по этой причине оно и не включается — души материя тонка...

Книжный мир детства прочно связан для меня со знаковыми именами моего детства: бабушка, Ксения Георгиевна Иванова — человек, что научил меня перелистывать, а потом и читать книги.

Моя первая учительница, Ленина Порфирьевна Орлова, что привела меня в детскую библиотеку им. Ивана Андреевича Крылова, узнав на первом уроке, что я умею читать. Привела и оставила там на пять лет ежедневного послешкольного чтения.

Библиотекари этой замечательной библиотеки, что находилась тогда на углу Социалистической улицы и улицы Правды. Я был единственным читателем, которому позволялось исследовать запасники библиотеки — они были для меня читальным залом. Дважды, уходя домой после закрытия, библиотекари вспоминали о том, что закрыли меня в библиотеке, и возвращались обратно, освобождать меня из книжного плена.

Девочка из параллельного класса, Люда Мельникова, что открыла для меня беспредельный мир фантастической литературы.

Библиотечный сон, что с дошкольных времён преследовал меня в течение нескольких лет, сон, в котором была дверь в коридоре нашей квартиры. Об этой двери, почему-то, знал только я. А за ней стояли стеллажи с книгами, вдоль которых я ходил во сне: снимал книги с полок, раскрывал, вдыхал аромат страниц, и, просыпаясь, не понимал, почему мне снится именно этот сон. Когда мне он начал сниться, я даже не знал, что существуют другие библиотеки, кроме нашей, домашней. А теперь они огромная часть моей жизни. Вещие сны бывают — я это знаю точно!

О своём книжном мире детства я могу рассказывать столько, сколько моё детство длилось, но мне кажется, что оно продолжается до сих пор.

 Была (есть ли) у вас книга-реликвия, которая передавалась или хранилась из поколения в поколение в вашей семье?

Книжная реликвия, что в моей семье передавалась из поколения в поколение — это бережно и основательно переплетённые насколько номеров журнала, который так и назывался «ЖУРНАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ» — Духовное, Нравственное, Историческое, Естествоописательное и Литературное Чтение. СПб. 1857год. На самом деле таких книг несколько, но эта для меня стала самой дорогой.

 Сожалели ли вы о потере какой-либо книги? Если да, то какой?

Сожаление о потерях книг, что согревали мой детский мир, столь велико, что для меня воспоминания о них вызывают непреодолимое чувство горечи, и горячее желание забыть того человека, с которым эти

потери связаны, но память... память... память.... Хотя, может быть эта горькая память бесценная награда – житейский опыт.

Храню несколько подаренных мне в детстве книг: «Тонкая струна», Мамин-Сибиряк, Ученику 1-го класса за успехи в учёбе, книгу Эрве Базена «Встань и иди», что подарили мне в пионерском лагере, когда мне было 14 лет. Эта книга большого французского писателя одно из самых сильных читательских впечатлений детства. Горжусь и храню книги, подаренные мне моим учителем – Николаем Андреевичем Внуковым, Валентином Берестовым, Виктором Максимовым, Натальей Крудовой, Марией Семёновой, Майей Плисецкой. По отношению к себе до сих пор считаю книгу лучшим подарком. Хотя в этом спрятан маленький бесёнок – подаренная книга, как никакой другой подарок, говорит о степени знаний о тебе, о твоих предпочтениях, о любви или о равнодушии дарящего. Храню книги, подаренные мне моими учениками. Они меня радуют: книг, написанных ими достаточно много и они очень дороги мне. Свои книги дарю близким людям, друзьям, библиотекам.

Дарили ли вы книги? Дарили ли Вам книги? Кто дарил?

Храню несколько подаренных мне в детстве книг: «Тонкая струна», Мамин-Сибиряк, Ученику 1-го класса за успехи в учёбе, книгу Эрве Базена «Встань и иди», что подарили мне в пионерском лагере, когда мне было 14 лет. Эта книга большого французского писателя одно из самых сильных читательских впечатлений детства. Горжусь и храню книги, подаренные мне моим учителем – Николаем Андреевичем Внуковым, Валентином Берестовым, Виктором Максимовым, Натальей Крудовой, Марией Семёновой, Майей Плисецкой. По отношению к себе до сих пор считаю книгу лучшим подарком. Хотя в этом спрятан маленький бесёнок – подаренная книга, как никакой другой подарок, говорит о степени знаний о тебе, о твоих предпочтениях, о любви или о равнодушии дарящего.

Изменяли ли вы сюжет, героев, включали ли себя в повествование?

Я всегда становился обязательным персонажем читаемых мною книг, особенно это касалось книг фантастических, книг о войне, о путешествиях, приключениях. Я безмерно благодарен книгам, что включали мою фантазию и закладывали тайные основы актёрского мастерства.

Какой книге, каким героям вы подражали? В каком возрасте, и каким книгам?

Подражание героям книг — дело многозначное, и его надо чётко разделять: стремиться подражать внешне — не для меня. Поведенческое подражание: лазать по деревьям, как Маугли* и кричать, как Тарзан*, плавать под водой, чувствуя себя Ихтиандром*, — почему нет.... Использовать речевые характеристики героев, их ключевые фразы в нужное время и в нужном месте — такое бывало, и достаточно часто. Мир моего детского чтения, особенно, мир после 12 лет открывал широчайшие возможности речевого разнообразия и совершенствования языка общения.

Играли ли вы по сюжетам книг? С кем? По каким книгам? Когда?

Реальную игру по сюжетам книг не приветствовал никогда. Всё что происходило в моей голове, было гораздо интереснее, чем то, что пытались воплотить в жизнь мои сверстники, опираясь на сюжеты прочитанных книг. Если я и принимал в этом участие, то длилось это очень недолго, становилось скучно.

Были ли у вас практики тайного чтения? Какие?

Рано ложиться спать — это детская попытка, особенно, когда у тебя в руках книга, от которой не оторваться. Чтение с фонариком под одеялом, чтение в шкафу и на шкафу, чтение на крыше родного дома — чердаки в доме моего детства не закрывались, и это было здорово! В пионерском лагере «Каменка» им. Германа Титова у меня в лесу была берёза-читальня и на ней любимая ветка метрах в пяти от земли — мне там никто не мешал листать страницы любимых книг. Родители считали, что мне некоторые книги читать рановато, а я считал, что они не должны знать, что я их читаю. Я нигде не прятался с этими книгами, я их читал в отсутствие родителей. И великое детское счастье — у меня была своя комната!

Опишите самую уютную обстановку для чтения? Самое уютное место?

Самая уютная обстановка для чтения — это одиночество, тишина, дождь, шуршащий в кроне старой яблони в саду за открытым окном,

состояние «небоязни», что тебя отвлекут, позовут обедать, придут в гости и зададут вопрос не требующий ответа: «чего читаем?». Но самая лучшая обстановка это, когда у меня в руках уютная желанная книга, и тогда всё выше сказанное, до такой степени безразлично, что на это просто не обращаешь внимания. Чего и Вам желаю...

Страница писателя: deti.spb.ru/writers_rus/a_id200

МИХАИЛ ДАВИДОВИЧ ЯСНОВ

*поэт, переводчик, живет в
Санкт-Петербурге*

 Была (есть ли) у вас книга-реликвия, которая передавалась или хранилась из поколения в поколение в вашей семье?

Мои родители пережили самые страшные события российского двадцатого века – революцию, две войны, сталинские репрессии. Им приходилось жить в разных местах, в разных городах, в эвакуации, в ссылке. Вряд ли все это способствовало сохранению в семье книги-реликвии. Тем не менее, я до сих пор помню два увесистых тома, еще дореволюционных, собрание стихотворений Лермонтова и пьесы Шекспира – обе книги с полосными гравюрами, рассыпающиеся в руках от старости. Мама говорила, что это книги из ее домашней библиотеки, – они стали книгами моего детства, долго хранились в моей библиотеке, потом я стал их видеть все реже и реже, а теперь шарю по полкам и не могу их найти... Ушли.

Сожалели ли вы о потере какой-либо книги? Если да, то какой?

Мне повезло: я никогда не терял книг. Однажды я сделал попытку такой потери – дело было в Пскове, я сидел в парке и читал томик Пушкина, потом отложил его, что-то привлекло мое внимание, и, забыв про книгу, я пошел по своим делам и только к вечеру вспомнил о пропаже. Пошел в парк. Книга лежала на скамье в том месте, где я ее оставил. Пушкин не теряется.

Дарили ли вы книги? Дарили ли Вам книги? Кто дарил?

Если перечислять все книги, которые дарил я и которые дарили мне, то получится еще одна объемистая книга. Главное – автографы. А это уже отдельная песня.

Опишите самую уютную обстановку для чтения? Самое уютное место?

Самое уютное место для чтения – классическое кресло с классическим торшером, классическим пледом и классической чашкой чая. Признаться, всю жизнь мечтаю, чтоб такое место было у меня дома, но почему-то ничего не выходит. Поэтому читаю там, где меня застала нужная книга: на стремянке перед книжной полкой, на подоконнике, на кухонном столе... Правда, последние годы книги меня жалеют, берут меня за руку и отводят на диван. Им там удобнее, чем мне, но – все-таки.

Страница писателя: deti.spb.ru/writers_rus/a_id205

Мы публикуем все интервью в порядке алфавита фамилий их авторов, сохранив авторскую пунктуацию и орфографию.

Интервью публикуются в сокращенном варианте.

Полный авторский текст опубликован: WWW.DETI.SPB.RU

О жизни и творчестве каждого писателя, о книгах, полный список произведений автора вы можете узнать на сайте

WWW.DETI.SPB.RU

Адреса авторских страниц указаны в конце публикации.

Ленинградская областная детская библиотека

Санкт-Петербург, Тореза, 32

e-mail: childbibl1@yandex.ru

тел: 8(812)552-33-17

факс: 8(812)552-95-45

www.deti.spb.ru;

www.facebook.com/Kidslibrary

www.vk.com/kidslibrary_lodb

